

В.Б. БЕЗГИН

**ИСТОРИЯ
СЕЛЬСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

◆ ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ ◆

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»

В.Б. БЕЗГИН

ИСТОРИЯ СЕЛЬСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Утверждено Ученым советом университета
в качестве учебного пособия
для студентов дневной и заочной форм обучения всех специальностей

Тамбов
Издательство ТГТУ
2008

УДК 93(470.326)(075)
ББК ТЗ(2)531я73
Б392

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор
П.П. Щербинин

Доктор исторических наук, профессор
В.В. Никулин

Безгин, В.Б.

Б392 История сельской повседневности : учеб. пособие. – Тамбов :
Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та. – 2008. – 88 с. – 100 экз. –
ISBN 978-5-8265-0701-8.

На основе широкого круга архивных источников раскрыта структура и дан анализ содержания различных сторон сельской повседневности России второй половины XIX – начала XX веков.

Предназначено для студентов всех форм обучения, изучающих курсы «Отечественная история», «История Тамбовского края», «Особенности национальной самобытности».

УДК 93(470.326)(075)

ББК ТЗ(2)531я73

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 06-01-00047а*

ISBN 978-5-8265-0701-8

© ГОУ ВПО «Тамбовский государственный
технический университет» (ТГТУ), 2008

Учебное издание

БЕЗГИН ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ

ИСТОРИЯ СЕЛЬСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Учебное пособие

Редактор З.Г. Чернова
Инженер по компьютерному макетированию Т.Ю. Зотова

Подписано в печать 05.05.2008
Формат 60 × 84 / 16. 5,11 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 226

Издательско-полиграфический центр ТГТУ
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в исторической науке отмечается небывалый интерес к проблемам, получившим название «история повседневности». Эта тематика успешно конкурирует с традиционными направлениями исторических исследований, и численность работ, в той или иной степени затрагивающих проблематику повседневности, постоянно растет, включая в себя различные исторические периоды и новые аспекты.

Экспедиции в историческую повседневность открывают обширные неисследованные пространства. Как жили люди раньше? Как они одевались и чем питались? Как они отмечали свои праздники и как относились к рождению, болезни и смерти? Казалось бы, банальные вопросы, которыми историки долгое время не задавались. Но сегодня они больше не останавливаются перед тем, чтобы опуститься в глубины повседневной жизнедеятельности общества.

Традиционное изучение истории, условно разделенной на отдельные сферы, осуществляется, как правило, на макроуровне. В такой трактовке события прошлого предстают как череда действий (войн, революций и т.п.) безликих масс. При таком подходе история государства отрывается от личности, от семьи, от конкретного места. Глобальные события заслоняют собой главное действующее лицо истории – человека. Грохот пушек и победный клич солдат заглушают повседневные звуки «тихой» истории. В этом разрыве пропадает представление человека о своей причастности к истории страны и народа.

В последние годы в России все большую популярность приобретает антропологический подход к истории, который предполагает ее максимальное наполнение «человеческим содержанием». Сегодня научный поиск все более поворачивается от «обстоятельств к человеку»: речь идет о переносе центра тяжести с исследования событий на исследование человека в этих «событиях» и «структурах».

Конечно, повседневность всего лишь один ракурс рассмотрения общества, не способный дать решающей информации для понимания его исторической динамики, а лишь дополняющий, конкретизирующий научные подходы, вскрывающие его сущность. Изучение того или иного фрагмента истории человечества непременно должно включать в себя изучение повседневности, и в то же время невозможно только через повседневность понять всю суть исторического развития.

1. ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ИСТОЧНИКИ, ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

История повседневности – отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира, комплексное исследование этой реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события.

Зародившись в середине XIX века, это направление сразу же стало одним из самых популярных среди читателей, не имевших отношения к научным кругам. Немецкий историк повседневности Г.-У. Велер объясняет популярность направления тем, что в идее изучения маленького человека как антипода сильному миру сего, всегда находившимся в центре внимания историка, скрыт протест несправедливости, против господства бюрократии в современном обществе, против утраты простой человечности, внимания друг к другу. Можно также добавить, что историческая повседневность позволяет человеку приблизиться к прошлому, оценить его адекватно, вжиться в него, прочувствовать свое прошлое.

К общетеоретическим источникам истории повседневности относят работы основателей феноменологического направления в философии и, в частности, Э. Гуссерля (1859 – 1938). Он первым обратил внимание на значимость философского осмысления не только высоких абстракций, но и «сферы человеческой обыденности», которую он именовал «жизненным миром».

В отечественной исторической науке становление тематики повседневности обычно связывают с именами исследователей середины XIX – начала XX веков А. Терещенко, Н. Костомарова, И. Забелина и других, работы которых носили ярко выраженный фактографически-описательный характер, они сосредоточили внимание на внешней, предметно-материальной стороне жизни и внешнем проявлении человеческих чувств, выразившихся в определенных устоявшихся формах: обычаях, обрядах, ритуалах.

Шагом к выделению исследований повседневности в отрасль науки было появление в 60-е годы XX века модернистских социологических концепций, прежде всего – теории социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана. Именно они призвали изучать «встречи людей лицом к лицу», полагая, что такие «встречи» (социальные взаимодействия) есть основное содержание обыденной жизни.

На рождение истории повседневности оказали влияние идеи К. Гирца, увидевшего в любой культуре «стратифицированную иерархию структур, состоящих из актов, символов и знаков». Расшифровка этих актов и символов, составляющих повседневные типизированные людские практики, «интерпретация паутины значений, которую человек сам сплет», выступает у этого социо-антрополога способом познания.

Перспективность антропологического подхода в изучении прошлого задолго до модернистских концепций почувствовали французские историки М. Блок и Л. Февр. Они предложили видеть в реконструкции повседневного элемент воссоздания истории в ее целостности. Эту задачу успешно выполняли их сторонники и продолжатели, группировавшиеся вокруг созданного в 1950-е годы журнала *Анналы*. Школа *Анналов* и, прежде всего, младший современник М. Блока и Л. Февра – Ф. Бродель понимали прошлое как медленное чередование периодов большой длительности (*long dure*), в которые была включена и повседневно-бытовая составляющая.

Рассказывая о механизмах производства и обмена, Ф. Бродель предложил видеть в экономике любого общества два уровня структур: жизни материальной и жизни нематериальной, охватывающей человеческую психологию и каждодневные практики. Второй уровень и был назван им структурами повседневности. К ним он отнес то, что окружает человека и опосредует его жизнь изо дня в день – географические и экологические условия жизни, трудовая деятельность, потребности (в жилище, в питании, одежде, лечении больных), возможности их удовлетворения (через технику и технологии). Для такого всестороннего изучения был необходим анализ взаимодействий между людьми, их поступков, ценностей и правил, форм и институтов брака, семьи, анализа религиозных культов, политической организации социума.

Концепцию, близкую истории менталитета и повседневности школы Анналов, разработал немецкий ученый Норберт Элиас. В своих работах Н. Элиас показал, как форма человеческого поведения изменяется в ходе общественного развития. Спонтанные, аффективные поступки вытесняются регулируемым поведением, подчинением, прививаемым в ходе воспитания, самопринуждением. А. Шютц трактует повседневность как – продукт взаимодействия человека с объективным природным миром. Являясь одной из сфер реальности, одной из «конечных областей значений», она первична по отношению к другим сферам. А. Шютц говорит о повседневной жизни как о верховной реальности, по сравнению с которой другие сферы представлены как квазиреальности.

Другое понимание истории повседневности превалирует в германской, скандинавской и итальянской историографии. От изучения государственной политики и анализа глобальных общественных структур и процессов обратимся к малым жизненным мирам – так звучал призыв германских исследователей, задумавших написать новую социальную историю – историю рядовых, обычных, малых людей. Критики старой науки в Германии (Х. Медик, А. Людтке и др.) призывали молодое поколение переориентировать научные труды, обратив все силы на изучение *микроисторий* отдельных рядовых людей или их групп, носителей повседневных интересов, а через них – проблем культуры как способа понимания повседневной жизни и поведения в ней. Это была программа особого направления в германской историографии – истории повседневности (Alltagsgeschichte), которую иногда именуют этнологической социальной историей.

Германо-итальянская школа микроисториков в 1980-90-е годы расширилась. Ее дополнили американские исследователи прошлого (сторонники так называемой новой культурной истории), которые чуть позже примкнули к исследованиям истории ментальностей и разгадыванию символов и смыслов повседневной жизни. Под знамена микроисторического видения истории повседневности отошли и некоторые представители третьего поколения Школы Анналов (Ж. Ле Гофф, Р. Шартье). Попытки последних вытеснить или ограничить историю менталитета в изучении повседневности были попытками дистанцироваться от неподвижной истории, какой она виделась Ф. Броделю.

Общим для двух подходов в изучении истории повседневности – и намеченного Ф. Броделем, и микроисториками – было новое понимание прошлого как истории снизу или изнутри, давшее голос маленькому человеку, жертве модернизационных процессов: как необычному, так и самому рядовому. Реконструкция повседневности элитарных слоев возродилась на новом витке развития науки уже после того, как возникла тема повседневности рядовых людей, и это была уже иная биографическая история великих, с иными акцентами. Следствием понимания истории повседневности как истории снизу было преодоление снобизма в отношении маргиналов общества (преступников инакомыслящих, представителей сексуальных меньшинств и т.п.). Два подхода в исследованиях повседневности объединяет также междисциплинарность (связь с социологией, психологией и этнологией). Оба подхода предполагают – хотя и на разных уровнях (макроисторическом и микроисторическом) – изучение символики повседневной жизни. Наконец, и последователи Ф. Броделя, и микроисторики в равной мере внесли вклад в признание того, что человек прошлого не похож на человека сегодняшнего дня, в равной мере признают, что исследование этой непохожести есть путь к постижению механизма социопсихологических изменений. В мировой науке продолжают сосуществовать оба понимания истории повседневности – и как реконструирующей ментальный макроконтекст событийной истории, и как реализации приемов микроисторического анализа.

В определении предмета изучения истории повседневности как научного направления в современном гуманитарном знании нет согласия. Иногда социологи употребляют как его синонимы описательные характеристики. Этнографы часто говорят о повседневности, имея в виду «быт» – то есть «традиционные формы личной и общественной жизни», «повторяющиеся, устойчивые, ритмичные, стереотипизированные формы поведения». Хотя повседневность как специальная область исторических исследований была обозначена и стала популярной недавно, основные аспекты ее рассмотрения (история труда, быта, отдыха и досуга, обычаев, различных срезов культуры и т.д.) изучались давно и традиционно, чаще в отдельных фрагментах.

По сложившейся традиции в традиционной науке быт, бытовая сфера противопоставляются (вместе с досугом, свободным временем и т.п.) труду, сфере производственной. Историки повседневности видят одну из своих задач в изучении каждодневных обстоятельств работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействий (в том числе и конфликтных) с представителями администрации и предпринимателями, то есть включают производственный быт в сферу повседневного.

Главное отличие между традиционными исследованиями быта и изучением повседневности историками лежит в понимании значимости событийного, подвижного, изменчивого времени, случайных явлений, влиявших на частную жизнь и менявших ее.

В определении методов изучения истории повседневности также нет единства. Традиционно мыслящий историк полагает, что тексты «способны говорить сами» и, установив репрезентативность дошедшего до него памятника, старается лишь без искажений привести его в своем исследовании. Такой истории-повествованию, как пересказу сообщенного, историк повседневности противопоставляет свой метод работ – вчитывания в текст, размышлений об обстоятельствах высказывания запечатленных в нем идей и оценок, проникновения во внутренние смыслы сообщенного, учета недоговоренного и случайно прорвавшегося.

Фокус анализа историка повседневности – изучение социального, с точки зрения индивида, не просто быт, но повседневное сознание и поведение. Индивид в исследованиях повседневности должен быть воспроизведен действующим на жизненной сцене в заданных обстоятельствах (природных, временных, политических), показан определяющим ситуацию, конструирующим – совместно с другими – социальные роли и играющим их.

Следует отметить, что реконструкция повседневной жизни людей неизбежно ставит ряд методологических проблем, которые связаны со сложностями обобщения и оценок многообразных, часто взаимоисключающих данных, раскрывающих внутреннюю неоднородность и изменчивую динамичность хода повседневной жизни. Отдельные ее детали не могут автоматически свидетельствовать об исторической реальности. Исследовательский процесс должен обязательно сопровождаться реконструкцией отдельных элементов в единую систему их взаимосвязей. Поэтому при изучении повседневности необходимо безусловное сочетание методов микро- и макроуровней исторического исследования.

При изучении данной проблематики, получившей особое развитие в зарубежной, прежде всего, западноевропейской историографии в 60-х годах XX века, повседневность рассматривается не только как эмпирическая, но и как теоретическая проблема, со своими методологическими подходами и своим инструментарием, которые позволяют не только реконструировать, но строить определенные концептуальные модели, в рамках которых повседневная жизнь предстает как особый пространственно-временной континуум, наполненный вещами и событиями.

Опыт исторической реконструкции общих, универсальных механизмов установок сознания (и бессознательного) определенной эпохи получил особое развитие в трудах представителей французской школы «Анналов» или «Новой исторической науки» в лице Л. Февра, М. Блока, Ж. Ле Гоффа, которые, по словам последнего, обращали «сугубое внимание на неосознанное, повседневное, на автоматизмы поведения, на внеличностные аспекты индивидуального сознания».

Проблематика повседневности включает в себя самый широкий круг предметов, отношений и явлений, которые очень трудно ранжировать по степени значимости. Как справедливо замечал известный французский философ эпохи Возрождения М. Монтень, «повседневные неприятности никогда не бывают мелкими». При всех различиях в подходах к повседневности, в отечественной и зарубежной науке выделяются следующие группы, относящиеся к данной проблематике: макро- и микросреда обитания (природа, город, деревня, жилище); человеческое тело и заботы о его биологических и социокультурных функциях; ключевые, поворотные личностно и социально-значимые моменты в жизни человека (рождение, создание семьи, семья и семейные отношения, смерть), межличностные отношения в различных микросоциальных группах (территориальных, профессиональных, конфессиональных и пр.); досуг (игры, развлечения, общественные и семейные праздники и обряды) и т.д.

Определение и анализ понятия «повседневность» предполагает также обращение к близкому ему понятию «быт». По мнению исследователей, последний термин «в тенденции тяготеет к полному охвату всех проявлений повседневной жизни с преимущественным вниманием к ее материально-телесной стороне». Повседневность же – это «установка сознания на принятие действительности как данности», «посюсторонний статус реальности повседневной жизни», «практический характер повседневной деятельности и обусловленные им конкретность и прагматизм целей, которые ставит и решает повседневный деятель».

Специалист по истории повседневья XX века имеет возможность расширить свою источниковую базу за счет свидетельств еще живущих информантов – то есть использовать метод сбора и записи жизненных историй – интервью всех видов (нарративных, полуструктурированных, биографических, лейтмотивных, фокусированных и прочих). Такие устные истории становятся для него не просто сбором материала, но созданием нового вида эмпирического материала (собранный воедино он образует так называемый вторичный источник).

Исследователи, не располагающие возможностями лично и вслух задать вопрос прошлому, работают с традиционными письменными памятниками. Среди них они выделяют, прежде всего, документы: биографии, мемуары, дневники и письма. Именно они позволяют понять человека и его поступки в конкретной ситуации, то, что отличает его повседневность, – от жизни и поведения других, находящихся в тех же обстоятельствах.

2. КРЕСТЬЯНСКИЙ ТРУД

Традиционным занятием русского крестьянства было земледелие. Земля и труд на ней выступали для крестьянина основой его жизни. Хлебопашество сформировало у мужика особое, трепетное отношение к земле. Не будучи по натуре сентиментальным, крестьянин в определениях земли использовал самые нежные эпитеты: «матушка – земля», «земля – кормилица». Сакральное отношение жителей села к земле обнаруживалось в распространенном обычае клятвы землей и в тех многочисленных деревенских обрядах, которые были с ней связаны. В мировосприятии селянина земля – «дар Божий», а право на ней трудиться – священо.

Характер аграрного труда выработал архетип слитности крестьянина с землей. Обладание ею для русского мужика являлось высшей справедливостью. Земледельческий труд для крестьянина был больше, чем просто процесс материального воспроизводства, он составлял основу его духовной жизни. Философ Ф.А. Степун писал, что «русский мужик никогда не чувствует себя хозяином своей жизни, он всегда знает, что над его жизнью есть настоящий хозяин – Бог». Не случайно, что в восприятии великорусского пахаря «земля» и «душа» выступали понятиями одного порядка. Проницательный А.И. Шингарев, итожа свои наблюдения за жизнью воронежских крестьян, отмечал: «Крестьяне во всех своих разговорах и рассказах об их горестях, не перестают употреблять слова «Земля, земля, земля», «Душа ... душа ... душа», до бесконечности варьируя сочетание этих слов и эпизоды своего грустного прошлого и настоящего, – ибо надежды есть и у них – на лучшее будущее».

«Кормит не пашня, а нива», – говорили в деревне, подчеркивая определяющее значение труда в получении конечного результата. Забота о «хлебе насущном» пронизывала всю канву сельского бытия. От рождения и практически до самой смерти житель села был включен в привычный круговорот работ земледельца. От пахоты до жатвы череда дней хлебороба была наполнена изнурительным трудом по созиданию плодов земных. Для любого исследователя,

пытающегося познать «великого незнакомца», наверное, нет более важной задачи, чем постижение содержания жизненного предназначения крестьянина – труда на земле. Содержание трудовых будней русского крестьянина определяли традиции агрикультуры и условия хозяйственной деятельности.

В воззрениях русского народа упорный и прилежный труд рассматривался как приближение к Богу, как один из способов его почитания. Труд давал возможность развить способности, данные свыше, сделать человека полезным для общества. «Кто не знает, что труд и прилежание умножают данные нам от Бога силы и способности вдвое и втрое, а лень и беспечность и с лучшими способностями остается без плода, как семя, упавшее при пути и потоптанное проходящими».

Труд служил и способом изменения мира. Как проявление соработничества человека с Богом в деле восстановления утраченной мировой гармонии рассматривал труд С.Н. Булгаков. Повседневная хозяйственная деятельность становится исполнением библейской заповеди «возделывать и хранить» землю.

Среди крестьянства труд представлялся единственно справедливым источником благосостояния и богатства. Это проявлялось, в том числе, и при разделе семейного имущества. Притязания на большую долю в наследовании имущества могли быть обоснованы большим трудовым вкладом. Напротив, отсутствие такого вклада становилось причиной отказа в выделении доли наследства.

К отличительным особенностям российского отношения к труду относят ценность знаний и умений в разных хозяйственно-бытовых областях. Такая многопрофильность крестьянского труда, видимо, стала одним из следствий длительного сохранения натурального хозяйства. Помимо земледельческих навыков каждый крестьянин должен был быть немного и плотником, и столяром, и печником, и сапожником.

Повседневные потребности крестьянской семьи определили перечень сельскохозяйственных культур, производимых земледельцами. Их выбор зависел от качества почв, погодных условий, урожайности и т.п. Производство «рыночных» культур было обусловлено нуждой крестьян в средствах, необходимых для уплаты налогов и приобретения промышленных товаров.

Составной частью земледельческой культуры русской деревни являлись приемы обработки земли. Многовековой опыт хлеборобов выработал систему технологических операций, направленных на получение урожая. Повседневные заботы крестьянина практически в любое время года были прямо или косвенно связаны с землей. И это объяснимо. Ведь от того, как «родит» нива, зависело существование крестьянской семьи. В основе традиций крестьянского земледелия лежали Божественные установления о предназначении человека кормиться от трудов праведных, добывая свой хлеб в поте лица.

Сроки обработки земли (пахота, сев) определялись многолетними фенологическими наблюдениями. Жесткая зависимость земледельческого труда от погодных условий нашла свое отражение в народных приметах. Приметы жителей села «на погоду», «на урожай» были органично связаны с перечнем традиционно выращиваемых культур и природно-климатическими особенностями данной местности. Суть этого опыта землепашца, верно, передал исследователь середины XIX века М. Стахович. «Он (то есть крестьянин) знает, когда что посеет, в какой день, даже в какой час дня, по весьма верным приметам, например, когда и в какой день за столько-то месяцев шел зимой снег или светило солнце и т.д. Но он приобрел все эти сведения не пытливостью экспериментальную, а опытом жизни, сросшись, так сказать, со своей природной местностью. Он видит на аршин в землю, никакое земледелие не определит вам хозяйственного достоинства той или иной десятины, как он это знает исстари, по преданиям отца и деда и, так сказать, по чутью». Агрономия – это местное искусство. Многолетний опыт хозяйствования в сочетании со знанием особенностей почв, природно-климатических условий и местного ландшафта позволял крестьянам определить наиболее рациональные приемы обработки земли.

Характерно, что основные полевые работы в селе были «привязаны» к церковным праздникам. Так, взмет пара осуществлялся после «Тихвинской» (26 июня/9 июля), а озимые культуры, как правило, сеяли на Второй Спас (6/19 августа). То, что православные праздники в аграрном труде хлеборобов являлись своеобразными вешками, определяющими временные границы земледельческих операций, еще раз доказывает значение веры Христовой в сельском бытии. Труд и православная вера неразрывно переплетались в народном сознании крестьянина, понимавшего тяжесть, но необходимую будничную работу как меру богоугодности человека; отсюда – тесная связь трудового распорядка с датами православного церковного календаря.

Однако предвосхитить плоды своих усилий русский мужик был не в силах. Даже если крестьянин и сделал все необходимое, он не мог быть до конца уверен в том, что получит ожидаемый урожай. Эту особенность земледельческого труда русского крестьянина тонко подметил Ф. Степун. Он, в частности, писал: «В крестьянстве как ни работай, доделать до конца человеку все равно ничего нельзя. Хлеб можно посеять, но его нельзя взрастить. Прекрасные по весне луга всегда могут к покосу и сгореть, и перестоять под дождями. ...Все это в русском мужицком хозяйстве никак не предсудимо, и отсюда основное религиозное чувство мужика, чувство реального ежедневного сотрудничества с Богом, с живой душой земли...».

Повседневный труд русского земледельца, основанный на хозяйственном опыте предыдущих поколений, характеризовался традиционными и, в целом, рациональными приемами обработки земли. Орудия труда были не столь примитивны и позволяли хлеборобам достаточно качественно производить необходимые технологические операции. Комплекс культурных мероприятий был несложным, но он требовал больших затрат тягловой силы и ручного труда.

Крестьянский труд отличался высокой степенью интенсивности и не ограничивался только земледельческими работами. В 1907 году журнал «Нужды деревни» (№ 21) обнародовал «трудовой крестьянский год в цифрах». Из приведенных данных следовало, что крестьянин затрачивал на ведение сельского хозяйства 25...40 % трудового времени. В различные периоды резко менялись как количество рабочих дней, так и напряженность в течение дня. Так, средняя продолжительность рабочего дня составляла в феврале 2,8, апреле – 6,3, июне – 9,3 и октябре 2,1 часа. По расчетам экономиста С.Г. Струмилина, осуществленным в начале 1920-х годов, производственный труд в крестьянской семье составлял около двух тысяч часов на каждого трудоспособного человека в год. Сухие статистические цифры подтвер-

ждаются суждениями сторонних наблюдателей. Вот что писал по этому вопросу князь Г.Е. Львов: «Я видел труд земледельца ... и впечатления юных лет и последующие в ближайшем соприкосновении с мужицкой работой и в личном участии в ней говорят одно: такой тяжелой работы, как у нас, нет нигде ... Работают не по 8 часов в день, а по 20, не днями, сутками ... И домашняя жизнь у печки, у двора, такая же, с теми же чертами. Бабы сидят ночь за прядевом и холстами, вздувают огонь печи к свету, к скотине выходят несколько раз за ночь ...».

Наивны утверждения отдельных авторов о якобы вынужденной праздности крестьян в период от окончания полевых работ до их возобновления. Осень для крестьянина также была временем напряженной работы. За отдаленностью полей перевозка снопов у многих крестьян продолжалась до глубокой осени, а порой и в зимнее время. В сентябре, октябре в погожие дни сельские мужики спешили перекрыть дома и сараи соломой, поправить плетни и изгороди, делали и чинили сани, заготавливали лыко и плели лапти. Одновременно производилась копка картофеля и рубка капусты. Сельские женщины в этот период были заняты работой по вымочке конопли и ее последующей обработке. С наступлением первых зимних морозов осуществляли молотьбу, в которой принимала участие вся крестьянская семья.

Исторически сложившаяся трехпольная система земледелия в наибольшей мере соответствовала как объективным условиям хозяйствования (почва, климат), так и экономическим возможностям крестьянских дворов. «Живучесть трехпольного севооборота, – по мнению академика Л.В. Милова, – помимо действительности фактора целесообразности и рациональности опиралась и на натуральный характер крестьянского хозяйства».

В большинстве своем просвещенное общество воспринимало трехпольку как хозяйственный анахронизм, фактор, сдерживающий интенсификацию сельского хозяйства. Крестьяне же продолжали упорно придерживаться традиционной системы полеводства. На все предложения перейти к более рациональным приемам земледелия они неизменно отвечали, что «будем хозяйствовать, как отцы и деды» И в этой мужицкой твердолобости был свой резон. Трудно спорить с тем, что трехпольный севооборот снижал долю производственного риска. Высокий уровень распаханности земель в черноземных губерниях, фактически исключал возможность обновления пашни, делая систему замкнутой. Исключение составляло то, что в отдельных местностях дальние участки на три-четыре года уводили в залежи, используя их в качестве сенокоса. Вновь поднятые залуженные участки давали обильный урожай.

Трехпольная система земледелия была не столь примитивна. Структура крестьянских посевов определялась всей совокупностью условий хозяйствования: качеством почвы, особенностью ландшафта, климатом и пр. Например, в Тамбовской губернии лучшие земли отводились под просо, в землях похуже сеяли овес. В низинах, на неудобьях выращивали горох или чечевицу. Паровое поле служило традиционным средством повышения плодородия. Большой проблемой для крестьянства черноземной полосы являлась засоренность почвы. По свидетельству источников, сорняки часто «забывали» хлеба, снижая и без того невысокую урожайность.

Объективные условия развития русской деревни вели не только к модернизации традиционной системы полеводства, но к поиску возможностей перехода крестьянского земледелия на многополье. Дальнейшее увеличение населения в условиях ограниченности пахотных земель побуждало к интенсивному использованию сельскохозяйственных угодий. Земельные переделы к началу XX века достигли своего предела. Доведя земельно-распределительный механизм до совершенства, крестьяне с точки зрения землеустроительной техники вполне могли освоить земли на четырех и более полях.

Процесс модернизации вызвал соответствующие изменения в системе крестьянского полеводства. Оставаясь в целом натурально-потребительским, крестьянское хозяйство во все большей мере вынуждено было ориентироваться на рыночную конъюнктуру. Это отразилось на системе севооборота. В начале XX века ряд сельских обществ региона стал практиковать травосеяние. Огановский Н.П. отмечал, что общинные порядки не только не мешали, но, напротив, способствовали введению регулярных полевых посевов трав. Семенной материал стоил недешево, традиция действовать «миром» решала проблему поиска средств на их приобретение.

Содержание трудовой повседневности российского крестьянства составляли традиционные формы аграрного производства. Производственная деятельность крестьянских хозяйств основывалась на хозяйственном опыте предыдущих поколений. Духовные основы земледелия выражались в эстетическом восприятии производственного процесса и этике трудовых отношений. Условия крестьянского труда определялись циклом сельскохозяйственных работ и православным календарем. Природно-климатический фактор выработал рациональные сроки и приемы обработки земли, а также меры для минимизации хозяйственного риска. Общинное землепользование не препятствовало модернизации традиционной системы полеводства.

3. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

Понятие «мир» для крестьянина отражало всю глубину его духовно-нравственного сознания, олицетворяло не просто арифметическое соединение крестьян, а нечто большее – соборное соединение, имеющее характер высшего закона. Крестьяне говорили так: «мир собрался», «мир порешил», «мир выбрал», вкладывая значение высшей духовно-нравственной инстанции – «мир крещенный», «мир христианский». На сельском сходе, как нигде, ощущалась духовная общность крестьянского мира, начиная с обращения «Православные!» и заканчивая единогласным принятием приговора, обязательного для исполнения каждого. Это уважительное, если не сказать трепетное, отношение к миру выразил неизвестный крестьянин, мнение которого было обнародовано в брошюре начала XX века «Мирское дело – дело великое. На сходку выходить надо Богу помолясь, да и стоять на ней как в церкви. Помнить надо, что коли мы соберемся во имя Его, то и он будет среди нас. Старика, старуху успокоить, сирот призреть, вдов определить, спорящих, ссорящихся примирить, и все это дело сходки мирской, и все это – любимые дела Божьи. Так есть ли на свете дело важнее сходки?».

Сельские сходы в зимнее время обычно проходили в съезжей избе или «въезжих» домах, которые снимало общество. В летнюю пору мирской сход собирались возле дома старосты или на сельской площади. Сельский сход созывал-

ся по мере необходимости, но не реже двух раз в год. Весной перед началом полевых работ и поздней осенью для учета казенных и мирских повинностей.

Решение общественных дел миром – бытовая черта русского народа, и, как явление бытовое, оно с трудом подавалось правительственной регламентации. Как ни кратко относящиеся до сельского схода установления законодательства, но и эта скромная попытка закона наложить свою печать на свободное творчество народной жизни не всегда могла быть выдержана на практике. Местные обычаи и традиции играли в практике сходов преобладающую роль. Обыкновенно на сход от каждой семьи приходило одно лицо, так что многодушные дворы не пользовались предоставленным им законом правом посылать нескольких представителей. Безземельные крестьяне, а также лица, выкупившие свои участки с фактическим выделом из мирской земли, или совсем устранялись от участия в сходах или пользовались на них правом голоса только по делам, не касающимся землепользования. Крестьяне, находящиеся под следствием или судом за важные преступления или отданные по судебному решению под надзор общества, по закону были лишены права участвовать на сходе, на деле же часто на них допускаются наравне с другими.

Сельский сход являлся традиционной формой крестьянского самоуправления. Соборный характер решения повседневных вопросов деревенской жизни позволял наиболее полно учитывать интересы и нужды членов сельской общины. Порядок обсуждения и принятия решений на сходе давал возможность сохранить приоритет коллективного интереса над групповым и индивидуальным. Это не исключало возможностей влияния на решения схода со стороны зажиточной части села, а также представителей власти как местной, так и государственной. Участие женщин в сельском сходе допускалось только в тех местностях, где был значителен отток мужского населения на сезонные работы.

Работой сельского схода руководил староста. Он открывал сходку, выносил вопросы для обсуждения и предлагал решения. Уважением и влиянием на сходе пользовались зажиточные, хозяйственные крестьяне. В деревне ценили тех, кто своим трудом, сметкой, рачительностью достиг жизненного успеха. Прислушивались на сходе и к мнению грамотных, образованных односельчан. Традиционно велико было на сходах влияние сельских патриархов. Их практические советы при решении производственных проблем общины давали возможность сходу принять оптимальное решение. Будучи людьми пожилыми они являлись носителями деревенских традиций, знатоками правовых обычаев.

Функции сельской общины были многообразны и охватывали все стороны деревенской обыденности. Различные источники дают возможность установить направления и выявить содержание деятельности общины. Конечно, прежде всего, сельская община выступала как поземельная единица, организовывала хозяйственную деятельность крестьян на принадлежащей ей земле. Поэтому на сходе обсуждались вопросы распределения земли между общинниками, о времени и порядке земледельческих работ и т.п. Сходы собирались нередко для обсуждения различных нововведений и улучшений в сельском хозяйстве. Прерогативой общины являлись дела, касающиеся пользования мировой землей, а также дела по аренде и покупке земли общиной, по сдаче и продаже мирской земли.

Не менее обширной была административная функция. На сельских сходах производились выборы должностных лиц: старосты, десятских, сборщика налогов, уполномоченных и др. Ведению мира подлежало: раскладка и сбор податей, земских и мирских платежей, исполнение натуральных повинностей, поставка подвод для разъезда должностных лиц, исправление дорог и прочее. Сходы решали различные хозяйственные дела сельского общества: содержание хлебных магазинов, продовольственный капитал, раскладка пособий, отпуск денег на жалованье выборным и наемным лицам. Всякого рода покупки и вообще расход мирских денег производились с разрешения схода. Сверх того сход обсуждал вопрос о постройке школ, читальни, библиотеки, вообще о школьных делах.

Землепользование крестьянских общин и их членов поддерживалось обычаем, который воплощался в целую систему норм неписаного права. Для крестьян не существовало понятия частной собственности на землю. Правом пользования землей, по суждению селян, обладали те, кто на ней трудится. В пределах общины земля считалась «мирской», то есть принадлежащей обществу. Общинные угодья распределялись между крестьянскими дворами посредством земельной разверстки. Крестьянская семья пользовалась наделом, но распорядиться им могла только с согласия сельского схода. Общинные земли представляли собой неделимые угодья (пастбища, выгоны, лес и др.) и использовались в интересах всего сельского общества. Усадьбы представляли собой земельные участки, на которых непосредственно размещался крестьянский двор с постройками, садом и огородом, находящиеся, как правило, в черте населенных пунктов. Крестьяне могли распорядиться усадьбой на правах полной собственности.

Вопрос о подворной земельной нарезке решали сельские сходы. Способ разверстки зависел от качества земли, рельефа хозяйственных угодий и т.п. Сенокосы при общинном владении не подвергались разделам, сено косилось сообща и уже скошенное делилось между членами общества. Границы в чересполосном владении обозначались межами, а отделявший один участок от другого рубежами, на концах и поворотах рылись межевые ямы, в которые устанавливали межевые столбы.

Распределение земли между крестьянскими хозяйствами было процессом очень сложным. Трехпольная система полеводства предполагала общий выпас по стерне и по пару. А потому полосы, принадлежавшие отдельным дворам, нельзя было отгородить, так как животные и люди должны были свободно ходить по полям, кроме того, хозяйства придерживались определенного порядка – сеяли необходимые культуры в соответствующее время. Каждый двор имел несколько полос, чаще всего на определенном отдалении одна от другой. Дело в том, что крестьяне скрупулезно следили за тем, чтобы земля распределялась по справедливости. Общинные земли были различны по качеству, расположению, конфигурации, удаленности от деревни. Каждое из трех полей разделялось на ярусы примерно одного качества, а каждый ярус на «доли» – по числу «ртов» в деревне. Весь этот сложный механизм распределения был подчинен одной цели – максимально соблюсти основной принцип крестьянского мира, обеспечить равный доступ к земле. Возможность пользования земельным наделом выступала непременным условием функционирования крестьянского хозяйства.

Когда в силу естественных причин изменялся состав населения отдельных дворов, община организовывала частичные переделы (свалки и навалки), забирая полосы от одних и передавая другим. Такие переделы допускались лишь

в случаях: смерти домохозяина, увольнения его из общества, высылки по суду или по общественному приговору, или безвестной его отлучки, оставления хозяйства без попечения; отказ самого домохозяина от пользования землей; неисправности его в платеже повинностей. Переделы производились и в случаях необходимости нарезать новые приусадебные участки, в силу каких-то стихийных явлений (наступления оврагов, размывания почв) либо, наоборот, из-за приращения удобных земель в результате совместных усилий. Такая гибкая система позволяла оперативно реагировать и решать возникавшие проблемы землепользования, соблюдая принцип социальной справедливости.

Фискальные функции община также осуществляла посредством сельского схода. Для коронной власти эта функция общины представлялась наиболее важной, так как позволяла производить и контролировать сбор налогов и податей. Податной механизм выглядел следующим образом. Казенные палаты начисляли общий окладной лист на все приписное население сельского общества с указанием разновидностей платежей (казенных, земских, мирских и т.д.). Его «мир» и «разрубал» по крестьянским дворам. Разверстка податей осуществлялась с учетом хозяйственного состояния двора. Подати уменьшали для погорельцев, семей потерявших кормильца, дворов, переживших падеж скота и т.п. Таким образом, снижая размер повинностей, или снимая их вовсе, община спасала слабые хозяйства от разорения, давая им возможность восстановить свою хозяйственную состоятельность.

Сельский сход как традиционная форма крестьянского самоуправления обладал и судебными функциями. Суд сельского схода по закону являлся судом для рассмотрения дел о семейных разделах, земельных спорах и разделе наследства. Наряду с этим он осуществлял и неофициальную функцию, выступая для однообщественников последней инстанцией для решения большинства незначительных дел. Приговор сельского схода носил для крестьян характер окончательного решения, которое, как правило, не обжаловалось. Крестьяне охотно обращались к общинному суду для разрешения конфликтов и споров, что свидетельствовало об их доверии коллективному разуму схода. Вверяя решение тяжбы общинному суду, селяне, прежде всего, надеялись на справедливое (основанное на обычае) и быстрое (без излишних формальностей) решение вопроса.

Главная цель сельского правосудия заключалась в примирении конфликтующих сторон, в пресечении всего того, что могло бы разрушить внутриобщинную солидарность. При определении меры ответственности за содеянное «мир» учитывал не только тяжесть проступка, но и личность виновного. Сельский сход обращал внимание на хозяйственную состоятельность, семейное положение, репутацию преступника, одним словом, «судили по человеку». О личности выносили суждение на основе всестороннего знакомства «мира» с каждым членом, что было возможным только в условиях крестьянского быта. «Прозрачность» сельских отношений позволяла не только выяснить мотивы совершенного преступления и определить степень его социальной опасности, но и вынести справедливый приговор с учетом всех смягчающих вину обстоятельств.

Важной функцией сельской общины являлась социальная защита своих членов. Принципы крестьянского общежития основывались на христианской морали. Проявлением христианского милосердия русского крестьянства была опека над сиротами. Опека над детьми устанавливалась в случаях смерти отца или матери, или обоих родителей, их умопомешательства, безвестного отсутствия более трех лет, ссылки в Сибирь. По крестьянскому обычаю после смерти домохозяина опекуншей назначалась его вдова. Круглые сироты проживали у своих родственников, которые содержали их на свои средства. Если те не могли содержать сирот, то детей раздавали по состоятельным дворам. Иногда прокормление сироты брало на себя общество в целом. В этом случае сиротский надел отходил к общине, а сам опекаемый переходил из двора во двор поочередно, получая необходимое содержание из мирских сумм. Назначение опекуна производилось на сходе и решение об этом оформлялось приговором сельского схода, который представлялся на утверждение земского начальника. Как правило, опекуны за свою деятельность никакого вознаграждения не получали. Но они имели от общины значительные льготы. Деятельность опекунов оценивалась настолько высоко, что мир освобождал их от каких-либо общественных обязанностей, а все повинности по наделу малолетних брал на себя.

Общинная помощь – одно из самых любопытнейших и поучительных явлений деревенских будней. Она регулировалась целой системой норм поведения. Бытование различных форм сельской взаимопомощи в течение длительного времени – свидетельство соответствия их содержания духовно-нравственным традициям русского села. Милосердие выступало отличительной чертой русского крестьянства. В большинстве случаев организатором сельских помочей выступала община. «Мир» направлял по наряду односельчан на уборку полос хозяйств, пораженных эпидемией, оказывал помощь в выполнении полевых работ семьям ратников, вдовам. Крестьяне никогда не оставались безучастными к горю, постигшему их односельчан. В русской деревне второй половины XIX века продолжало существовать такое явление, как «мироплатимые» наделы. Они выделялись сиротам, вдовам. Община брала на себя оплату всех податей и выполнения повинностей, которые полагались за пользование этой землей. Система деревенского призрения выражалась также в выдаче безвозмездной ссуды, выделении участка в общественном лесу, отводе земли для постройки дома и под огород. Если решение о помощи принимал сход, то участие в ней считалось для общинников обязанностью, и уклонение было практически невозможным в силу общественного мнения.

Сельская община выступала хранительницей нравственных устоев деревни, осуществляя подчас жесткий контроль над поведением своих членов. Выполнение неписанных норм сельского общежития достигалось, прежде всего, силой общественного мнения, а в случае необходимости и теми многообразными санкциями, которые «мир» применял к нарушителям. Замкнутость сельского сообщества и «прозрачность» внутридеревенских отношений практически не оставляли возможности скрыть тот или иной неблагоприятный проступок. Безупречная репутация имела для крестьянина большое значение. Она служила основой авторитета и уважения со стороны односельчан, являлась надежной гарантией при совершении имущественных сделок, придавала значимость высказываниям на сельском сходе. И напротив, крестьян, снискавших себе дурную репутацию, сторонились, избегали иметь с ними деловые отношения, старались не вступать с ними в брак, духовное родство. Часто их изводили насмешками, обидными прозвищами, а при случае попрекали за прошлые грехи. Такой сельский бойкот порой был страшнее розог волостного суда. Крестьянский «мир» проявлял заботу о духовном развитии и нравственном облике односельчан. На сельском сходе принимали решение о

строительстве церкви и содержании причта, об открытии школы для обучения сельских ребятишек, разбирали случаи безнравственного поведения местных жителей и т.п.

Прерогативой сельского схода были выборы должностных лиц крестьянского самоуправления. Высшим должностным лицом в сельском обществе являлся староста. Его функции были весьма разнообразны. Староста созывал и распускал сельский сход, председательствовал на нем, приводил в исполнение мирской приговор; наблюдал за исправным содержанием мостов, дорог, контролировал сбор податей и порядок отбывания повинностей; принимал необходимые меры для охранения благочестия. Он мог подвергать наказанию в виде общественных работ до 20 дней, штрафа в пользу мирских сумм до одного рубля или аресту до двух суток. Должность старосты, хотя и давала определенные преимущества, все же не являлась для крестьян синекурой. Денежного довольствия, выплачиваемого обществом, было явно недостаточно, а добросовестное исполнение обязанностей требовало много времени и сил, нередко в ущерб интересам собственного хозяйства.

Местную власть крестьянин считал ответственной перед собой, поскольку сам участвовал в ее формировании и мог влиять на ее деятельность. Крестьяне охотно шли на сход, на котором предстояли выборы старосты. Не последнюю роль в выборе играли и личные качества кандидата. Естественным было стремление избрать на должность человека хозяйственного, порядочного, радеющего за общее дело. Старосты, сумевшие снискать авторитет и уважение среди односельчан, порой пребывали в должности не одно десятилетие. В ином случае череда нерадивых руководителей рождала у селян разочарование.

Признавая за избранным старостой власть над собой, особые полномочия, данные ему сельским «миром», крестьянин продолжал видеть в нем своего «брата-мужика», которому близки и понятны его повседневные нужды и заботы. В сельской повседневности часто возникали конфликтные ситуации, и старосте практически ежедневно приходилось вмешиваться в споры для их полюбовного решения. Таким образом, в глазах крестьян староста выступал представителем неформального сельского судопроизводства. Суд старосты носил характер примирительного разбирательства. В то же время, при необходимости охраны общественного спокойствия, староста не останавливался перед применением жестких мер по отношению к нарушителям порядка.

Исторически сложившаяся система сельского самоуправления определяла содержание общественной жизни русской деревни. Вопреки распространенным утверждениям ряда современных исследователей сельский сход не утратил в исследуемый период роль органа, регулирующего все важнейшие стороны сельской повседневности. Не отказываясь от земельно-распорядительного механизма, община достаточно гибко учитывала интересы своих членов в сроках и формах земельных резверстаний. Исследованные источники позволяют утверждать, что состав менялся под влиянием демографических процессов, происходивших в русской деревне. В условиях модернизации крестьянская община усиливала свои социальные функции, смягчая неблагоприятные последствия развития товарно-денежных отношений.

4. ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРОТЕСТА

Обыденные формы крестьянского сопротивления, по меткому определению Дж. Скотта «оружие слабых», выступали действенным средством крестьянского протеста. Эти повседневные, скрытые от постороннего взгляда формы борьбы сельского мира включали в себя: воровство, браконьерство, саботаж, вредительство, поджоги и т.п. Они носили преимущественно индивидуальный характер и осуществлялись на фоне молчаливого одобрения односельчан. Все многообразие повседневного протеста села было направленно против главного врага крестьян – помещика. Аграрное перенаселение и как следствие измельчание земельного надела активизировали борьбу крестьян за вожаделенные помещичьи угодья. По мере роста социальной напряженности в деревне менялись и формы крестьянского протеста, которые приобрели открытый и массовый характер.

Традиционной формой борьбы с помещиком в регионе являлась порубка барского леса. Для селян понятие частной собственности на лесные угодья не существовало. В восприятии крестьян, основанном на нормах обычного права, леса были ничьи, «Божьи», так как к их посадке не был приложен труд. Самый добропорядочный крестьянин не считал грехом нарубить воз дров в господском лесу. Всякие попытки властей прекратить несанкционированную вырубку леса встречали яростное сопротивление со стороны местного населения. Так, крестьяне Хмелевской волости Воронежской губернии летом 1903 года в количестве 80 человек противодействовали переписи порубщиков и осмотру порубленного леса.

По мере роста крестьянского движения порубки барских лесов стали массовыми. В 1905 году из Орловской губернии в департамент полиции МВД сообщали: «26 августа была обнаружена самовольная порубка в Чернавском имении Великого князя Михаила Александровича, произведенная крестьянами д. Власовки Круглинской волости Дмитровского уезда (20 человек) вместе с сельским старостой. Порубка производилась в течение полумесяца группами по 5 – 10 человек». «В августе 1905 года, – как следовало из донесения воронежского губернатора, – крестьянами Бирючанского уезда Воронежской губернии производились самовольные порубки в лесу землевладельца Шидловского. Беспорядки прекратились с прибытием военного отряда». Попытки владельцев защитить свою собственность от посягательства со стороны местных крестьян нередко приводили к вооруженным столкновениям.

На основе изученных документов можно сделать вывод о том, что коллективные порубки были заранее спланированы и организованы сельской общиной. Побудительным мотивом для противоправных действий крестьян являлось не только стремление обеспечить себя необходимой древесиной, но и желание досадить ненавистному помещику. Всякая попытка владельца защитить свою собственность вызывала лишь ожесточение со стороны крестьян. Примером тому могут служить события в экономии графа И.И. Воронцова-Дашкова Павловского уезда Воронежской губернии. В донесении министру юстиции от 31 января 1906 года говорилось, что «в ночь на 25 ноября 1905 года в экономическом лесу графа И.И. Воронцова-Дашкова крестьянами хуторов Пирогова и Сторожева осуществлена крупная порубка леса. ... Толпа крестьян, человек 60, прогнала лесного стражника и полицию, сожгла два кордона и разграбила

имущество. В течение последующих двух суток 26 и 27 ноября крестьяне 60 – 100 человек днем и ночью рубили экономический лес. Всего вырублено до 700 деревьев. 27 ноября в 10 часов вечера к хутору Оселедкова двинулась толпа в 200 человек на 120 подводах. Они разгромили экономию, вскрыли амбары, вывезли хлеб, сожгли постройки. ... В результате применения казаками оружия один крестьянин убит, другой тяжело ранен. 200 крестьян, в том числе 20 зачинщиков привлечены в качестве обвиняемых по 269 – 1009 ст. Уложения о наказаниях». Как причину произошедших аграрных беспорядков автор донесения называл малоземелье крестьян и недород 1905 года. К такому же выводу пришел известный публицист С.Н. Прокопович, который в своем исследовании аграрного движения писал в 1905 году: «Самоуправными действиями холодных и голодных людей руководила одна мысль. Одна цель, – достать дрова, чтобы обогреться, достать хлеба, чтобы поесть, достать сена – чтобы накормить скотину».

В советской историографии недооценивали фактор голода в аграрном движении 1905 – 1906 годов. А ведь именно голод привел в движение крестьянские массы, придав аграрному движению ожесточенность. Уже во второй половине лета 1905 года определился недород озимых и яровых хлебов в Воронежской, Тамбовской и Орловской губерниях. Все эти губернии в конце года были признаны в числе девяти, наиболее пострадавших от неурожая. В 1906 году неурожаем охватил 14 губерний России, а Воронежская, Тамбовская и Орловская губернии были отнесены к местностям, находящимся в критическом положении. Для примера, в Тамбовской губернии в 1906 году было собрано менее половины среднегодового урожая.

Угроза голодной смерти толкала крестьян на самые решительные действия. «Есть нечего, сеять нечего. Мы не грабили, а днем свозили то, что нам нужно» – приводилось высказывание крестьян в донесении тамбовского губернатора фон дер Лауница как причина побудившая их к противоправным действиям. Не вызывает сомнения стихийный характер крестьянского движения, в том смысле, что оно не являлось результатом действия революционной пропаганды, а было следствием бедственного положения сельского населения. «Аграрное движение началось в тех местах, где крестьянам в буквальном смысле житья не было, – утверждал в своем исследовании П. Маслов. – В этих районах не было никакой крестьянской организации, никакой агитации и пропаганды, и движение вылилось в стихийные формы».

Главной проблемой для сельских жителей оставалась нехватка пашенных земель, и решение вопроса русский мужик видел в ликвидации помещичьего землевладения. Из донесения орловского губернатора следовало, что «ожидание получить землю соседних помещиков среди крестьян было поголовное и давнее». В рапорте министру юстиции от 9 марта 1905 года сообщалось: «28 февраля 1905 года разграблена и сожжена экономия великого князя Сергея Александровича в селах Долбенкине и Лобанова Дмитровского уезда Орловской губернии. Экономическое положение крестьян с. Лобанова плохое. Надел чуть более 2 дес. на душу. Хлеба до новин не хватает даже в урожайные годы, а некоторым его не хватает до Рождества. Общинные земли стеснены и окружены владениями великого князя. Остро стоят проблемы выгона и прогонов скота. Крестьянам было запрещено не только прогонять по экономической земле скот, но и проходить и проезжать не по назначенным для этого дорогам, ловить рыбу в озере, купаться, собирать грибы и ягоды в лесу». Таким образом, для большинства крестьян ликвидация помещичьего землевладения являлась актом восстановления исторической справедливости.

В ходе острого противостояния с помещиком крестьяне активно прибегали к таким традиционным приемам как поправа лугов и посевов, самовольная запашка барских земель. И в этих формах борьбы четко прослеживалась роль сельской общины. Так, в Воронежском уезде весной 1906 года местные крестьяне осуществляли самовольные запашки церковных и помещичьих земель и производили выпас скота на владельческих лугах. Полицейский рапорт помогает восстановить картину произошедшего: «Крестьяне поселка Каширского Московской волости Воронежского уезда на основании единогласного решения сельского схода 25 мая числом в 400 человек распахали 25 десятин церковной земли. 27 мая в имении Панышина при д. Петропавловки Рождественской волости 60 крестьян выпустили лошадей и потравили 10 десятин луга. На увещевания полиции крестьяне заявляли: «Пусть лучше нас убьют, или пристрелят, чем умирать с голоду или дать подохнуть лошадям – нашим кормильцам». Автор донесения в департамент полиции приходит к выводу, что такое настроение крестьян являлось результатом недорода прошлого года и голода, который охватил более половины сельских местностей губернии. «Потравы производились обыкновенно ночью», – сообщал острогожский исправник в рапорте воронежскому губернатору, – «Крестьяне являлись толпами, вооруженные дубинками и косами, с угрозами гнали прочь объездчиков и сторожей, и не только пасли свой скот на владельческих лугах, но даже косили и увозили к себе траву. Все эти действия они совершали скопом, как они говорили миром, и с ложным убеждением, что все творимое должно остаться безнаказанным». Последнее утверждение очень важно в выяснении мотивов крестьянского протеста.

Прибегая к тем или иным формам протеста, крестьяне стремились санкционировать свои действия мирским приговором. Некий жандармский офицер из Пензенской губернии заметил, что «весьма замечательное значение приобретает у крестьян слово "мир". Они ссылаются на него как на законную опору в противозаконных своих действиях». В народе живо непоколебимое убеждение, что «как скажут крестьяне, так царь и решит».

Был еще один момент, который следует учитывать при анализе крестьянских действий. Согласно нормам обычного права присвоение чужого имущества по причине голода выступало обстоятельством, которое оправдывало вора и освобождало его от ответственности. Преступления такого рода в суждениях деревенских жителей находили свое оправдание: «Не умереть же ему с голоду, не есть же ему своих детей, ведь никто не назовется ему хлебом, быть и украсть»; «Ныне не евши, завтра не евши, тоже за живот возьмешься, пойдешь и украдешь и греха не побоишься».

Приговор сельского схода, который предвещал ту или иную форму крестьянского протеста, придавал противоправным действиям в глазах жителей села некую легитимность. Община, служившая долгие годы для власти средством подчинения села, неожиданно стала выступать как организация крестьян в борьбе с помещичьим землевладением. Как сила способная не только конфисковать и распределить барские земли, но быстро включить их в производственный процесс.

О ведущей роли сельской общины в аграрном движении свидетельствуют следующие примеры крестьянских выступлений в регионе летом 1906 года: «Дмитровский уезд Орловской губернии 5 июня крестьяне во главе со старостой с. Упороя составили приговор косить экономические луга графа Гейдена исполу без всяких отработок. Когда управляющий имением Писаревич отказался выполнить требования крестьян, те стали снимать с луга рабочих, последние не хотели уходить, но, боясь быть оштрафованными на 25 руб. по приговору схода, были вынуждены покинуть поле. В ходе дознания выяснено, что главным зачинщиком являлся староста»; «Крестьяне д. Хитровой Стегаловской волости Елецкого уезда скосили 23 десятины посевной травы, на что предварительно был составлен общественный приговор. Местный сельский староста сам принимал участие в косьбе травы». Аналогичным образом ситуация развивалась и в соседних губерниях: «27 июля 1905 года крестьянами села Прудки Коротояжского уезда Воронежской губернии составлен приговор о насильственном захвате частновладельческих земель и произведены потравы скотом и поломка сада в соседнем имении»; «22 июня 1906 г. общество крестьян с. Ковылки Кирсановского уезда Тамбовской губернии составило приговор о том, что никто из них не имел права наниматься на работу к помещику за плату ниже установленной общественным приговором. Управляющий имением кн. Баратынского нанял на работу крестьян другого села. Крестьяне с. Ковылки, собравшись числом 500 человек, отправились в поле и согнали всех работавших».

Открытые формы крестьянского протеста не исключали использования и легальных каналов для передачи власти своих требований. Традиции челобитных нашли свое органическое продолжение в крестьянских приговорах и наказах. Присущий крестьянству патернализм выражался в ожидании «царской милости» и стремлении поведать «царю-батюшке» правду о своем бедственном положении. С мая по октябрь 1905 года широкое распространение в стране получило приговорное движение. Исследователь аграрного движения начала XX века Б. Веселовский в своей работе отмечал, что в Воронежской и Тамбовской губерниях мирские приговоры на политические темы составлялись сельскими обществами в единичных случаях, в большинстве своем они касались аграрного вопроса.

С изданием манифеста 17 октября 1905 года у жителей села появилась еще одна возможность донести до власти свои нужды и чаяния. Составление наказов депутатам, избираемым в Государственную Думу, потребовало от крестьян осмыслить свое положение в обществе и сформулировать требования к власти. Крестьяне Ново-Щигровского общества Курской губернии в своем наказе записали: «...земли у нас приходится меньше, чем полдесятины на душу ... многие из нас уже не имеют у себя куска насущного хлеба». Жители ряда деревень Судженского уезда той же губернии сформулировали наказ своим избранникам кратко и четко: «Ведь земля это тот же воздух, земля должна принадлежать всем, кто желает и умеет ее обрабатывать. Требуйте перехода всей земли в руки крестьян».

Пик аграрного движения пришелся на осень-зиму 1905 года, когда волнениями были охвачены все крупнейшие сельскохозяйственные регионы страны. Если с января по август 1905 года в губерниях Центрального Черноземья произошло 243 выступления, то за период с сентября по декабрь – 725. Всего в 1905 – 1907 годах в Европейской России было отмечено 21 513 крестьянских выступлений. При этом наиболее распространенной формой являлся разгром дворянских усадеб, удельный вес которого составил 33,8 %. На втором месте находились забастовки сельскохозяйственных рабочих и крестьян, составлявшие 22,1 % акций. Самовольная порубка частных лесов – 10...15 % случаев. Как видим, наиболее массовой формой крестьянского протеста в период наивысшего накала социальной войны в российской деревне были погромы барских имений.

Разгромы усадеб сопровождалась сожжением построек и уничтожением хозяйского имущества. Так, в июне 1905 года крестьяне Борисоглебского уезда Тамбовской губернии разгромили хутора Елизаветинский князей Волконских, Хозяйский и Мягкий помещиков Аносовых, подожгли имения Чернышова, Колобова и Хренникова. Вот характерные для осени 1905 года сообщения: «Свыше ста усадеб ... разгромлено и сожжено; уничтожен весь инвентарь и скот» (Курская губерния), «Горизонт в многочисленных заревах ...» (Тамбовская губерния). Следует признать, что разгром и поджог барских имений не был для крестьян самоцелью, а скорее средством вытеснения помещика из села. Крестьяне, по их собственным признаниям, сжигали жилые и хозяйственные строения для того, чтобы выдворить помещика из деревни хотя бы на два-три года, чтобы не допустить размещения там отряда карателей.

Даже погромам имений крестьяне пытались придать видимость «законных» действий. И ведущая роль сельской общины в этом процессе очевидна. Нередко во главе крестьянского протеста стояли должностные лица сельского самоуправления, чаще сельские старосты, реже волостные старшины. Причиной активного участия старост в аграрных беспорядках был страх перед однообщественниками, намного превосходящий страх перед начальством, перед государственной властью. Участники погрома воспринимали происходящее отнюдь не как беззаконие и самоуправство, а как торжество справедливости. М. Шаховской под впечатлением произошедших событий писал: «Крестьяне являлись в имение во главе со старостой, который с бляхой на груди следил за правильностью распределения хлеба. На первых порах крестьяне брали в имении только зерновые, пищевые и кормовые продукты, а, кроме того, не разрешали друг другу брать ничего, говоря: "Не по закону, нельзя"». Крестьяне, прежде чем вывозить зерно, тщательно высчитывали, что нужно для трудового существования самому помещику, выделяли ему соответствующее количество хлеба, сена, скота и только после этого все забирали. Отличительной чертой погромного движения было отсутствие физического насилия. «Крестьяне заранее предупреждали владельцев, вскрывали амбары и увозили хлеб. В дом не заходили, денег не брали, насилия не чинили». В Воронежской и Тамбовской губерниях местные власти отмечали «полное отсутствие случаев насилия над личностью как самих землевладельцев, так и экономических служащих».

Для крестьянского движения было характерно сочетание всего многообразия форм сельского протеста. В справке от 28 ноября 1906 года, составленной в особом отделе департамента полиции, говорилось: «В Тамбовской губернии аграрное движение выразилось в довольно резкой форме. Летом сего года на многих экономиях происходили забастовки и насильственное удаление с работы сельских рабочих. Крестьянские сообщества составляли приговоры, устанавливающие цену на рабочие руки и арендную плату за помещичью землю, а в нескольких случаях имели место поджоги и разграбление владельческих усадеб. За последние три месяца крестьянские беспорядки продолжали проявляться в Балашовском, Кирсановском и особенно в Козловском уездах и выразилось в порубке владельческого леса, угоне скота с монастырского хутора и сожжения двух усадеб 24 октября Ляпунова и Романова, причем во время по-

жаров был разграблен хлеб и угнан экономический скот». Другой особенностью аграрных беспорядков являлось то, что они носили поистине массовый характер. В погромах принимали участие все жители села, включая женщин и детей. Община пристально следила за тем, чтобы никто не остался в стороне, добиваясь поголовного участия односельчан.

Власть ответила на аграрные беспорядки репрессиями. В ряде мест пролилась кровь. Тысячи крестьян были привлечены к ответственности. Для многих рядовых участников сельских бунтов такой поворот событий был полной неожиданностью. В судебной хронике «Русского слова» приводился подробный отчет о суде над участниками аграрных беспорядков 19 февраля 1905 года. На вопрос прокурора: «Чем вы в таком случае объясните, что крестьяне, не имея вражды к экономии барона Мейндорфа, пошли ее грабить?» свидетель показал, что кругом уже происходили грабежи, или как он выразился: «Это безобразие, а безобразие всегда увлекает. Наши и соблазнились. И как это у них вышло – сами теперь не знают». Участники аграрных беспорядков вольно или невольно пытались растворить свою ответственность в действии сельского мира. По этому поводу исследователь М.А. Рахматуллин верно заметил, что «бунт всегда представлял собой мирское действие. Бунтовал "мир" в полном составе, и главным объяснительным мотивом крестьян было: куда "мир", туда и я, мне от "мира" нельзя».

В свое оправдание крестьяне указывали на действие неких злонамеренных людей, объясняя свои деяния массовым помешательством. В прошении жителей хуторов Сторожова, Пирогова Семеновской волости Павловского уезда на имя управляющего Карла Владимировича Лангомера крестьяне писали: «Сознав свой незаконный поступок разгромом кордона и хуторов Оселедкова, минувшего 25 и 27 ноября мы ныне объаты в великую скорбь за учиненный поступок, стыдно совестно и какими словами выразить вину перед Вами (...) и как случилось истинно мы не знаем и вину класть не на кого – либо. Сами виноваты, что послушались дьявольского совета злонамеренных и подлых людей». В сопроводительном письме от 8 февраля 1906 года управляющего имением Лангомера графине Воронцовой-Дашковой он указывал, что крестьяне искренне раскаялись в содеянном и просят простить их, подтверждал, что семьи арестованных крестьян находятся в отчаянном положении и голодают. Далее он приводил вопрос казачьего сотника участникам сельского бунта и их ответ на него. «Как вы могли, добрые люди, пойти на такое глупое дело?», – «Се не мы, а общество!». В этом утверждении проявлялась и общинная психология и мужицкое лукавство.

После того, как крестьянское движение было подавлено, преобладающей формой крестьянского протеста вновь стали традиционные формы скрытой борьбы. Целенаправленно и методично крестьяне продолжали бороться с помещичьим землевладением. Безродный М. в 1906 году писал: «Бойкот частного землевладения выработался в народной среде стихийно, и велся упорно и настойчиво. Его приметы: завязать камень в сноп, чтобы потом при молотье он попал в барабан и разбил его; изломать плуг, машину; поворовать; опоить скот, изуродовать его; выдергать посадки, разнести сад». В с. Братках Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в течение 6 лет (1905 – 1911) производилась самовольная порубка леса при попустительстве сельского старосты и волостного старшины. Из Курской губернии сообщали: «В ночь с 8 на 9 ноября 1909 года в имении землевладелицы Метляевой пожаром уничтожен скотный двор, 15 лошадей, 13 коров, 4 овцы. Причина поджога заключалась в отказе владелицы сдать местным крестьянам земли в аренду». В обращении землевладельца Бирючанского уезда Воронежской губернии К.М. Ташенко на имя губернатора указывалось на то, что крестьяне слободы Дмитриевки систематически расхищают в его саду фрукты и самоуправно ловят рыбу в пруду. Такие приемы борьбы, при всей внешней неприметности, под час оказывались более результативными, чем деревенский бунт.

Крестьянское движение в период аграрных беспорядков 1905 – 1907 годов носило открытый и массовый характер. Повседневные, преимущественно индивидуальные, формы сельского протеста сменили коллективные действия, организуемые и направляемые общиной. Аграрное перенаселение, особо остро ощущаемое в губерниях Центрального Черноземья, делало требование ликвидации помещичьего землевладения актуальным. В борьбе за землю сельская община использовала весь арсенал традиционных средств, подталкивая власть к активным действиям по решению аграрного вопроса. Фактор голода являлся катализатором недовольства жителей деревни. Подавление крестьянского движения посредством репрессий не привело к умиротворению российского села. Борьба с помещичьей собственностью вновь приобрела скрытый, но не менее эффективный характер. Усилия власти по реформированию земельных отношений оказались запоздалыми и не могли предотвратить новый всплеск общинной революции, решившей вопрос о земле на основе традиционных крестьянских представлений.

5. СЕМЕЙНЫЕ БУДНИ

Наиболее полно сельская повседневность проявлялась в жизни крестьянского двора. Он выступал первичной производственной ячейкой сельской общины, на нем держались все хозяйственные связи в деревне. Традиционно крестьянский двор выполнял фискальные функции. Он же служил основой бытовой морали сельчан. Таким образом, статус и положение крестьянского двора выстраивали этику соседских отношений в деревне. Крестьянский двор действовал как сплоченный элемент социальной организации с разделением труда, власти и престижа по традиционным предписанным семейным установлениям. Двор представлял собой основу производства, потребления, отношения собственности, социализации и общественных связей, моральной поддержки и взаимопомощи.

В русской деревне было несколько типов дворов. Это двор рабочий, возглавлявшийся домохозяином – основным держателем земельного надела. Далее шел вновь образованный двор, состоящий из малой семьи и еще полностью не включившийся в общественную жизнь деревни. Особый тип составляли дворы отставных и запасных воинских чинов. На время службы право на земельный надел за солдатами сохранялось, а по возвращении с нее они оставались в составе семьи или посредством выдела создавали самостоятельное хозяйство. В селе существовала категория неполных дворов: вдовый или бобылий двор; выморочный двор, утративший хозяина, живых наследников; двор убылых душ, то есть опустевший по различным причинам. Вклад этих дворов в производственный процесс не был равнозначным. Соответственно, каждая категория двора наделялась различной долей земельных ресурсов из общинного фонда.

Понятия «семья», «двор», «семейство», «хозяйство» применительно изучаемой проблемы тождественны: они означают совокупность близких родственников, живущих вместе и ведущих одно хозяйство под управлением одного человека, который назывался хозяином (большаком). В один двор несколько брачных пар объединяла совместная трудовая деятельность при наличии неразделенного имущества, которым управлял домохозяин. В русской деревне конца XIX – начала XX веков преобладающими были два типа семей: составная (преимущественно отцовская) и малая, или нуклеарная, семья.

Патриархальная семья представляла собой уменьшенную копию общины. В составной семье воспроизводились патриархальные отношения с присущим им авторитаризмом и общностью имущества двора. Здесь отношения строились на безоговорочном подчинении младших членов семьи старшим, а власть хозяина над домочадцами была абсолютной. В жизни неразделенных семей наглядно прослеживалась преемственность поколений, непосредственность в передаче опыта от отцов к детям. Глава двора стремился оградить семейную повседневность от всего, что могло бы нарушить привычный уклад, изменить традиции, ослабить его власть. Поэтому домохозяин в такой семье противился обучению своих детей, неохотно отпускал сыновей в дальний промысел, старался не допустить выдела.

Во главе крестьянской семьи стоял старший по возрасту и положению мужчина (большак). Большак обладал в семье неограниченной властью. Глава семьи судил поступки домашних и налагал на них наказания, представлял интересы двора на сельском сходе, уплачивал повинности. Он управлял всем хозяйством, отвечал за благосостояние двора перед сельским обществом. В случаях пьянства, мотовства, нерадения хозяйства решением сельского схода он мог быть лишен большей части. Община вмешивалась только тогда, когда действия большака вели к разорению двора, потери его тягоспособности. Утрата дееспособности также являлась основанием для передачи его полномочий другому члену семьи.

Большак выступал организатором и руководителем всего производственного процесса крестьянского двора. С вечера он распределял работу на следующий день, и его распоряжения подлежали неукоснительному исполнению. Прерогативой большака являлись определение сроков и порядка проведения полевых работ, продажа урожая и покупка необходимого в хозяйстве. В его руках находились все деньги, зарабатываемые семьей, и в расходовании их никто не имел право требовать у него отчета. Только он мог выступать в качестве займодавца или заемщика. Именно домохозяин был ответственен перед обществом за отбытие двором мирских повинностей. По сельским традициям отец был волен отдать своих детей в наем, не спрашивая на то их согласия.

Глава семьи вел все дела хозяйства, свободно распоряжался его имуществом, заключал обязательные соглашения, но наряду со всем этим владельцем двора не являлся. Существовавший обычай воспрещал домохозяину предпринимать важнейшие распорядительные действия, например отчуждение, без согласия всех взрослых членов семьи. Он не мог завещать имущество двора. После его смерти двор оставался в распоряжении семьи, а большаком становился его сын, брат, реже вдова. Если двор по смерти хозяина и делился, то это происходило не по гражданскому закону, а в рамках того же обычного права. Порядок наследования выражался в распределении общего имущества между членами семьи, а не в переходе права собственности от домохозяина. Члены семьи и при жизни домохозяина имели право на общее имущество. Такое право реализовывалось при выделе сына.

Всем домашним хозяйством безраздельно ведала «большуха». Она распределяла между невестками хозяйственные работы, устанавливала очередность приготовления пищи, ведала сохранностью и выдачей продуктов и главное, зорко следила за неукоснительным исполнением каждой своих обязанностей. Помимо работ по дому, заботой хозяйки был огород, уход за скотом, выделка пряжи, изготовление одежды для домочадцев. Если в семье было несколько невесток, она смотрела за тем, чтобы шерсть, лен, конопля были распределены между ними соразмерно их трудовому вкладу. Все коллективные работы, требующие женских рук, осуществлялись при ее непосредственном контроле и участии. От нее во многом зависела четкая работа механизма крестьянской экономики.

Наибольшим авторитетом в семье после большака и большухи пользовался старший сын. Он первый выделялся среди других сыновей. К нему всегда обращались только по имени-отчеству. Он был первым помощником отцу в хозяйственных делах. Отец посылал его на ярмарку продавать хлеб и покупать необходимые для семьи товары. Жена старшего сына была первой помощницей свекрови и считалась главной среди снох-невесток. В самом низу семейной иерархии находилась «молодуха». Ее часто обижали старшие невестки. На любую работу она должна была просить благословление у родителей мужа. Молодуха не могла без разрешения выходить на улицу и ходить в гости.

Таким образом, существо внутрисемейной иерархии определялось безропотным подчинением младших членов семьи старшим, жен – мужьям, детей – родителям. Власть большака, опирающаяся на «домостроевские» правила, выступала в семейной повседневности источником многочисленных злоупотреблений. Кризис патриархальной семьи выражался в стремлении «младших» ее членов вырваться из-под власти большака и завести собственное хозяйство.

В крестьянской семье существовало половозрастное разделение труда. Вся хозяйственная деятельность двора традиционно подразделялась на «мужскую» и «женскую» работы. Такая градация производственных операций позволяла наиболее эффективно использовать особенности и возможности организма мужика, бабы, подростка.

Основные трудовые усилия сельской семьи были направлены на получение урожая, поэтому земледельческие операции носили приоритетный характер. Мужики выполняли все полевые работы, требующие физической силы, будь то пахота, боронование, сев и заделка семян, косьба и уборка сена, жатва хлебов, молотьба, вывоз навоза и т.п. Страдная пора требовала максимальной мобилизации сил крестьянской семьи. В покосе и жатве принимали участие все члены семьи, за исключением стариков и младенцев. Обычный распорядок дня в страдную пору привел в своей корреспонденции П. Фомин, житель Брянского уезда Орловской губернии. Он, в частности, писал: «В 4 часа крестьянин встает и идет косить, работает до 9 часов, завтракает и снова работает до обеда. Пообедав в 12 часов, отдохнув час, крестьянин спешит ворошить и убирать сено. В то время как мужики косят луг, бабы жнут рожь».

Помимо своего главного занятия – хлебопашества – деревенский мужик занимался рубкой и возкой дров, строительством или починкой избы, хозяйственных построек, изгороди, изготовлением колес, саней, ремонтом конской

упряжи и сельскохозяйственных орудий. Каждый мужик в селе обладал навыками плотницкого, слесарного, гончарного, скорняжного ремесел. И только для изготовления сложных деталей и приспособлений, осуществления работ, требующих профессионального мастерства, он обращался к сельским умельцам: кузнецу, печнику и т.п.

Нелегким был труд крестьянки. Помимо упомянутых полевых работ, на ее плечах лежали обязанности по уходу и содержанию скота, приготовление пищи, уборка избы и стирка одежды. В тех местах, где имелись конопляники или посеы льна, в ее обязанности входили уборка, вымочка, сушка и другие операции, необходимые для производства пеньки и сукна. Каждая баба в селе должна была не только держать огород, но и по окончании уборки овощей произвести рубку капусты, выборку картофеля. Сельские женщины производили все необходимые для семьи заготовки на зиму: солили огурцы, квасили капусту, сушили грибы и пр. В период с поздней осени до ранней весны деревенские бабы были заняты прядением льна, шерсти, конопли. Вплоть до начала XX века крестьянская одежда в большинстве своем изготавливалась из домотканого сукна. Хозяйка следила за тем, чтобы все домочадцы имели необходимую одежду, а в случае необходимости занималась ее починкой. В круг обязанностей женщины входило также приготовление пищи для всей семьи.

В селе существовало четкое разделение работ на «мужскую» и «женскую». Выполнять мужчине, даже мальчику, работу по дому считалось зазорным. Жители села в повседневной жизни старались придерживаться этих неписаных правил из-за боязни осуждения и насмешек со стороны односельчан. Нарушение этих правил допускалось для холостяков, вдовцов. Женщине подчас приходилось выполнять мужские работы в силу объективной необходимости. В случаях, если муж (сыновья) находился в отхожем промысле, был призван на действительную службу или мобилизован на войну, все хозяйственные работы были исполняемы женщиной.

Детей рано приучали к нелегкому крестьянскому труду. Нередки были случаи, когда 5–6-летних детей посылали за несколько верст отнести хлеба или воды работающей семье. В ряде сел Воронежской губернии мальчиков по достижении 6-летнего возраста отдавали в найм или отправляли пасти скот. Традиционно сельские подростки пасли овец, стерегли выводок гусей, гоняли коров на росу, для чего поднимались очень рано. Когда сажали огород, то детям наказывали охранять его от домашней птицы и скота. Любимым занятием деревенских мальчишек было отгонять и сторожить лошадей в ночном.

Рано отцы начинали приучать сыновей к главному жизненному предназначению крестьянина – хлебопашеству. С десяти лет мальчики уже бороунили, как говорили в деревне, «скородили» под наблюдением взрослых, а с двенадцати пробовали пахать самостоятельно. В 14–15 лет сыновья выполняли наряду с отцом все полевые работы. Попутно, в процессе выполнения хозяйственных дел, парубки учились владеть топором, чинить инвентарь и упряжь, изготавливать предметы обихода и пр.

Социализация девочек определялась традиционными представлениями о месте и роли женщины в семье. Мать стремилась, прежде всего, передать дочери умение и навыки по ведению домашнего хозяйства. С детства крестьянская девочка была включена в напряженный трудовой ритм, а по мере взросления менялись и ее производственные функции. Девочек лет с пяти-шести отправляли в няньки или поручали полоть огород. Крестьянские бабы часто использовали дочерей в качестве помощниц в своих работах. Весной девочки занимались белением холстов, а с осени до весны они пряли. Родители всегда давали детям только ту работу, которая им была по силам. Трудовое обучение в селе осуществлялось, выражаясь современным языком, с учетом возрастных особенностей детей. Так, крестьянскую девочку лет в одиннадцать сажали за прялку, на тринадцатом году обучали шитью и вышивке, в четырнадцать – вымачивать холсты. Одновременно учили доить коров, печь хлеб, грести сено. Одним словом, обучали всему тому, что было необходимо уметь в крестьянском быту. Трудолюбие высоко ценилось общественным мнением деревни. Оценка односельчанами девушки как работницы непременно учитывалась при выборе невесты.

Условия деревенской жизни наложили отпечаток на взаимоотношение поколений. Крестьяне были сдержанны в открытом проявлении родительских чувств. Однако демонстративная грубость не могла скрыть искренней любви к детям и заботы о них. Сельские жители в проявлении родительских чувств не были столь эмоциональны как представители просвещенного общества, но их отличала простота и естественность.

Патриархальное начало в жизни крестьянской семьи и общины выражалось в беспрекословном подчинении родительской воле и власти отца над детьми. Ежедневные домашние молитвы, регулярное участие в богослужениях, постижение евангельских истин в приходской школе – все это формировало у подрастающего поколения уважение и почитание своих родителей. Публичность действий жителей села, «прозрачность» деревенских отношений и сила общественного мнения обуславливали ответственность как родителей за поступки своих чад, так и обязанность детей по попечению престарелых родителей.

В русской деревне сложились традиционные представления о родительских обязанностях. Они включали в себя требования к родителям содержать, одевать и кормить своих детей, учить их страху Божьему и грамоте, приучать к работе по дому и в поле, женить или выдать замуж. Если отец не кормил и не одевал сына, то он должен был платить ему как наемному рабочему.

Традиционно большое значение в жизни крестьянской семьи придавали родительскому благословлению. Без него нельзя было жениться и выходить замуж, отходить на дальние заработки, продавать и покупать. В деревне считали, что «если отец не благословит, то не жди пути». Особенно боялись родительского проклятия. Крестьяне были уверены, что «если отец и мать проклянут своих детей, то те не будут счастливы. Они или умрут преждевременной смертью, а если и не умрут, то жизнь их будет горькой». Жители села верили, что проклятие обязательно сбудется, и поэтому прибегали к проклятию только в исключительных случаях.

Особенности крестьянского труда и сельского быта находили свое отражение в отношениях родителей и детей. Родители чаще всего вели себя нарочито грубо, считая, что доброта и ласка по отношению к детям может им навредить и они «забалуют». В обращении с детьми, особенно не достигшими совершеннолетия, они почти всегда использовали приказной тон, и только малолетние могли рассчитывать на более мягкое обращение. Матери оказывали боль-

ше ласки детям, чем отцы. Детей крестьяне наказывали мало и редко. Секли детей в редких случаях, чаще ограничивались угрозами. Если приходилось сечь, то это делал отец.

Патриархальные традиции требовали безусловного подчинения жены мужу. Эта зависимость сложилась исторически и была обусловлена причинами религиозного, социального и экономического порядка. Характер аграрного производства, общинный уклад и подушное обложение фактически исключали самостоятельное значение женщины. Общественно-крестьянское бытие не предполагало равноправия полов, отводя женщине второстепенную, а, следовательно, подчиненную роль. Современники, представители образованного общества, много и не без основания писали о семейном гнете. Они возмущались, и справедливо, грубостью нравов, царивших в крестьянской семье. Но, так ли оценивали свое положение сами крестьянки? Есть основания утверждать, что всевластие мужа воспринималось ими как должное. С детства девушка видела обращение отца к матери, помнила ее неоднократные наставления о покорности в грядущем замужестве. Была свидетелем, возможно не единожды, сцен публичной расправы над строптивыми женами. Сельская баба воспринимала свой удел как жизненный крест, который должна была смиренно нести.

Безотчетная власть мужа над своей женой отразилась в народных поговорках: «Бью не чужую, а свою»; «хоть веревки из нее вью»; «жалей, как шубу, а бей, как душу». Этот варварский обычай, шокировавший просвещенную публику, в деревне являлся делом обыденным. С точки зрения норм обычного права, побои жены не считались преступлением в отличие от официального права.

Общественное мнение села в таких ситуациях всегда было на стороне мужа. Соседи, не говоря уже о посторонних людях, в семейные ссоры не вмешивались. «Свои собаки дерутся, чужая не приставай», – утверждали в селе. Иногда крестьяне колотили своих жен до полусмерти, особенно в пьяном виде, но жаловались бабы посторонним очень редко. «Муж больно бьет, зато потом медом отольется». То есть и сама женщина относилась к побоям как к чему-то неизбежному, явлению обыденному, своеобразному проявлению мужниной любви.

6. НЕПИСАННОЕ ПРАВО

Обычное право сформировалось под влиянием бытовых условий повседневной жизни, заключало в себе общепризнанные юридические воззрения народа и осуществлялось фактически путем единообразного соблюдения в течение более или менее длительного времени.

Как и любая правовая система, область неписаных законов не оставалась неизменной и эволюционировала под влиянием условий общественного развития. В то же время обычное право отличалось значительной устойчивостью по причине преобладания в его источниках не формально-догматических и естественно-практических факторов, а нравственно-этических и духовно-религиозных явлений крестьянского бытия. Приверженность крестьян нормам обычного права определялась общинным укладом, традициями аграрного труда, самобытностью общественного устройства и сельским менталитетом. В практике народного права воплощалось крестьянское представление о правопорядке, находившее свое выражение в том, каким образом община, крестьянское хозяйство решали проблемы, связанные с наделами, с усадьбой, экономические и социальные конфликты, семейные вопросы.

Нравственный императив был преобладающим в обычно-правовых воззрениях русского крестьянства. Вполне закономерно, что обыденные понятия, которые выступали для сельских жителей критериями в оценке тех или иных деяний, отличались от их трактовки в формальном праве. В крестьянском сознании понятия «греха» и «преступления» были схожи, но не тождественны. Под грехом в русской деревне понимали всякое богопротивное деяние, отступление от христианских заповедей, нарушение церковного устава. Греховным считалось употребление скоромной пищи в пост и постные дни, недостойное поведение в храме, работа в праздничные дни. Церковное установление о запрете на работу в праздничные дни санкционировалось решением сельского схода. Накануне нерабочего дня староста обходил дома односельчан с напоминанием о запрете. Корреспондент Этнографического бюро из Болховского уезда Орловской губернии В. Перьков отличие греха от преступления в крестьянском восприятии объяснял так: «Преступление состоит в убийстве, воровстве, грабеже, драке. Грех состоит в ругательстве, напрасной божбе, работе в праздничные дни, в песне под праздник, родить в девках или без мужа, украсть по мелочи на огороде. Если кто-то тайно продает водку и подливает в нее воды. Это считается грехом». Добавим то, что, помимо перечисленного, как грех в деревне воспринималось пьянство, распутство, непочтение родителей, брак без родительского благословения и пр.

По понятиям и обычаям народа, право преследовать, судить и называть виновных принадлежало суду и воле Божьей. В случае несправедливого суда в селе говорили: «не боюсь я суда людского, а боюсь – Божьего». В православном сознании русских крестьян ответственность перед Творцом стояла выше суда земного. «Перед судом совершь, а перед Богом нет», – утверждали сельские жители.

Преступления против православной веры (кошунство, богохульство, святотатство и т.п.) были редки в русской деревне. Богохульство и кошунство сознавались крестьянами как тяжкий грех и преступление, и по народному обычаю виновный подлежал строгой ответственности. В записке С.С. Кондрашова о положении крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии от 13 марта 1889 года утверждалось: «Кошунство и богохульство считается страшным грехом, но если они уж не особенно сильно оскорбляют религиозные чувства народа, то об этом стараются избегать доносить священнику или начальству. На нарушителей церковных правил народ смотрит равнодушно, зная, что Бог и без них за это накажет».

Крестьяне не считали своим делом наказывать грех (это дело Божье), но добивались исполнения нравственных норм силой общественного мнения. Информатор из с. Хотьково Карачаевского уезда Орловской губернии сообщал: «В старину наказывался тот, кто посмел съесть в пост скоромную пищу. В настоящее время, если кто-либо съест скоромное, то подвергается только довольно сильному внушению со стороны старшего члена семьи. Старики считают грех хуже преступления, они говорят: «Скоромятину нажраться, али душу загубить»; «Бог долго ждет, да больно бьет. Тут не накажет, за то на том свете в вечной кабале будешь».

Любой проступок в деревне получал, прежде всего, моральную оценку. Если с точки зрения формального права многое нравственное может быть преступным, и не все, что преступно, должно быть безнравственным, то с точки зрения жителей деревни, все преступное обязательно безнравственно, а все, что нравственно, не может быть преступным. Это противоречие между правовыми обычаями и писанным правом находило свое выражение в сельской повседневности. Крестьяне считали нормальным делом или своим святым правом: самогонование, битье жен, порубку барского леса и другое, считавшееся по закону преступлением. В то же время не все нарушения, которые, по мнению крестьян, совершать греховно, преследовались законом. Так, в сельском быту греховным делом считались отказ от подачи милостыни, нарушение обещания участвовать в помочах, работа в праздничные дни.

Многие преступления, весьма строго караемые общими уголовными законами, считались маловажными по обычному праву. Снохачество наказывалось у крестьян несколькими розгами, а по уложению подлежало весьма тяжелой каре. Нанесение обиды действием восходящему родственнику по уложению наказывалось очень строго, а по обычному праву драка между детьми и родителями, как явление обыденное в крестьянском быту, не считалось чем-то особенным. С другой стороны, обычай относился к некоторым наказуемым деяниям строже, чем закон. Волостной суд налагал большой штраф за работу в воскресенье. Сельским старостой были подвергнуты аресту девушки и парни, которые, разложив огонь близ деревни, прыгали через него и пускали в реку венки в день народного праздника Ивана Купалы.

Существенно расходились положения официального закона и нормы обычного права в трактовке имущественных преступлений. Если закон стоял на страже прав собственника и преследовал любое покушение на чужую собственность, то по обычному праву некоторые кражи вообще не считались преступлением, а в оценке других наблюдался дифференцированный подход.

Уважение к частной собственности у жителей села не было развито, что в первую очередь относилось к собственности помещиков. Заповедь «не укради» по отношению к землевладельцу не работала. Крестьяне не воспринимали как преступление кражу у помещика копны ржи или овса, порубку десятка дубков в господском лесу. По понятиям крестьян, воровство у помещика грехом не являлось. И они воровали при каждом удобном случае, будучи вполне уверены в том, что односельчане их не выдадут. Не считали преступлением жители села нарубить в барском лесу дров, утверждая, что «это не людское, а Божье». По взглядам крестьян лес, вода, земля, дикие звери, птицы и рыбы считались Божьими, созданными для всех людей на потребу и в равном количестве. Поэтому, не было грехом сделать в чужом лесу порубку, наловить рыбу или дичи в чужих владениях.

В основе такого подхода лежал традиционный взгляд крестьян на природу собственности, восприятия труда как единственно справедливого ее источника. Исследователь обычного права И. Тютрюмов делился своими наблюдениями: «Крестьянская логика в данном случае проста и понятна: не может быть собственностью то, к чему не приложен труд. И такой принцип выступал для крестьян безошибочным критерием. Не являлся преступлением покос травы на чужом лугу, но жатва хлеба на чужой полосе считалась кражей. О рыбе, пойманной в чужих реках, крестьяне рассуждали так: «он на нее овса и муки не истратил, поить не поил, ухаживать не ухаживал, а всеми делами управляет Бог, Его и рыба вся, знать, можно ловить каждому».

Если цель уголовного закона состояла в том, чтобы покарать, отомстить за содеянное преступление, то деревня в своем обычно-правовом мировоззрении считала, что главное в том, чтобы преступник раскаялся и исправился. Прощение, которое преступник испрашивал у потерпевшего и сельского схода, всегда выступало смягчающим обстоятельством.

Таким образом, в трактовке преступления и ответственности за него положения официального законодательства и нормы обычного права расходились, и весьма значительно. Это являлось следствием сословной замкнутости крестьянского социума, особенностей сельского менталитета, традиций хозяйственного уклада, соблюдения канонів православия, приоритета правовых обычаев над формальным законом.

В деревенской среде оскорбления и драки были явлением обыденным и в большинстве случаев не становились предметом судебного разбирательства. Словесные перепалки, которые часто возникали в крестьянском быту, сопровождались всем многообразием русской ненормативной лексики. К таким бранным оскорблениям крестьяне относились спокойно («Брань на воротах не виснет»), понимая, что ругательства произнесены сгоряча, а все сказанное было не по злобе («Собака лает – ветер носит»).

Самым большим оскорблением у крестьян считалось ругательство, соединенное с укоризной в чем-либо позорном: воровстве, мошенничестве и т.п. Крестьяне полагали, что оскорбления подрывали репутацию, бросали тень на доброе имя, и поэтому приравнивали их к клевете и доносам. Неслучайно, при недоказанности обвинения обидчик строго наказывался.

Отношения в крестьянской семье были далеки от идиллии, а ругань и брань между родными были делом обычным. В делах об оскорблении между родителями и детьми судьи всегда становились на сторону родителей. Вплоть до конца XIX века никакой проверки справедливости возводимых на детей обвинений не проводилось, так как считали, что «ни один родитель не согласится оклеветать напрасно своих детей». Кроме того, по народным воззрениям, родитель «по своей воле» всегда вправе наказывать собственных детей.

Крестьянами воспринималась угроза (намерения) как совершенное преступление («Лучше обиду делай, а не угрожай»). Угроза физической расправы («грозил меня убить», «грозил меня сжечь» и т.п.) в представлении народа являлась крупным проступком. Произнесение, особенно прилюдно, таких угроз вызывало обращения с жалобой в суд, и потерпевший просил наказать обидчика «по всей строгости».

Грубость деревенских нравов и приверженность крестьян к насилию в быту являлись причиной преступлений против личности. Драки, которые вспыхивали в селе по поводу и без повода также следует признать обыденным явлением, по причине того, что редкий день обходился без них. Обычным правом драки на сельском сходе были запрещены, но общественное мнение деревни считало допустимым выяснение отношений на базаре и в кабаке. Деревенская

потасовка являлась любимым зрелищем сельских обывателей. «Зеваки с удовольствием собираются посмотреть на дерущихся, подбадривая их криками. Драки всегда кончаются миром, который скрепляется совместно выпитым магарычом», – сообщал корреспондент Этнографического бюро В. Булгакова из села Козинки Орловского уезда. Чувство мести не было свойственно русскому мужику. Взаимное рукоприкладство не становилось помехой в дальнейших отношениях между общинниками. Повседневный опыт указывал крестьянину на собственную предрасположенность к неконтролируемым способам поведения, поэтому забыть нелояльное поведение соседа было нетрудно. Ссоры не рассматривались как нечто непреодолимое, общая солидарность сохранялась.

В своей повседневной жизни крестьяне практически постоянно вступали в имущественные отношения разного рода. Чаще всего это были договоры займа, найма, купли-продажи. Как свидетельствуют источники, в большинстве случаев сельские жители выполняли взятые на себя обязательства. Всякое нарушение или неисполнение условий договора крестьянином неминуемо подрывало его репутацию. В договорах, предусматривающих денежный расчет, стороны, как правило, устанавливали срок оплаты. Сроки платежа обыкновенно связывали с датами православного календаря: Николой (9 мая), Петровым днем, Казанской (8 июня), Покровом, Заговением (14 ноября), Введением, Святками, масленицей. Если к назначенному сроку крестьянин не мог уплатить деньги, то за неделю до срока он должен был войти в соглашение со своим партнером о переносе срока. Если он этого не делал, то договаривающийся выводил его на сходку и объявлял о неисполнении договора.

В случае нарушения условий сделки потерпевшая сторона обращалась в волостной суд с требованием взыскания штрафа за «бесчестье». Данного понятия официальный закон не знал, но оно было распространено в крестьянском обиходе. Согласно народному обычаю волостной суд признавал обязанность возместить убытки, произошедшие от неисполнения соглашения вступить в брак.

Договора в деревне заключались преимущественно в устной форме, причиной тому служила неграмотность сельского населения. По свидетельству Е.Т. Соловьева, «большая часть договоров по найму, покупки и продажи движимых вещей, производится словесно, иногда при 2-3 свидетелях, а иной раз и без них». В письменную форму облекались договоры, когда отдавали на посев землю, или если речь шла о договоре с обществом. Письменный договор составлялся в следующих случаях: контрагентом выступал крестьянин из другой деревни, которого знали недостаточно хорошо; с крестьянином, ранее не выполнявшим договорных обязательств. Все письменные договоры заверялись печатью сельского старосты.

В крестьянских представлениях имели место обязательные требования, которые предъявлялись к участникам сделки, то есть то, что в юриспруденции обозначено как дееспособность. В обязательных отношениях за несовершеннолетних выступали их родители или опекуны. Независимо от возраста дееспособность ограничивалась имущественным положением: совершать акты, в коих выражалось право распоряжения имуществом, мог лишь домохозяин. Если детей отдавали в работники, то их родители оговаривали условия и получали оплату, а при необходимости несли материальную ответственность за причиненный материальный ущерб. Старший член семьи в случае смерти, болезни или ухода нанятого, был обязан поставить на его место другого работника или возместить деньгами все причиненные хозяину убытки.

Обыденным явлением в селе были займы зерна до нового урожая. Зерно занимали как для посева, так и для пропитания. За исключением ростовщиков, крестьяне давали хлеб в долг без процентов. Возврат обыкновенно производился осенью, когда урожай снят и обмолочен. Заем крестьянами денег друг у друга чаще всего производился без платежа процентов, а лишь за угощение водкой. Такие сделки старались заключать без свидетелей из-за страха того, что присутствие постороннего может иметь неблагоприятные последствия для сторон.

Заключение сделки непременно сопровождалось определенным ритуалом, который включал в себя рукобיתье, молитву, магарыч. Крестьяне свидетельствовали, что дела велись по неделе и более, обсуждались до мельчайших подробностей, не торопясь. По обычаю, закончив сделку, стороны ударяли по рукам и молились, произнося при этом «В добрый час! Дай Бог!». Существовал обычай «разнимания рук» третьим лицом, передачи повода проданной лошади, коровы («из полы в полу»). Все эти обряды завершались совместной выпивкой («Хоть в убыток продать, а магарыч пить»), «Барыш барышом, а магарыч даром»).

В русской деревне законными способами приобретения считались купля-продажа, находка, дарение, вырытые клады. Наиболее распространенным способом являлась купля-продажа. В деревне говорили: «За что деньги отдал – силком не отнимут». Прежде чем купить ту или иную вещь, крестьянин, как правило, присматривался, оценивал и долго торговался. Если продавец и покупатель приходили к соглашению о цене, то последний вносил задаток. В случае отказа покупателя от сделки задаток не возвращался. Если же продавец, получив задаток, отказывался продать вещь по договоренной цене, то с него взыскивался двойной задаток.

По народному обычаю найденная вещь становилась собственностью крестьянина, нашедшего ее. Если крестьянин, потерявший что-то, заявлял о потере вещи и указывал на того, кто ее нашел, то она возвращалась хозяину по суду или добровольно. Собственностью в деревне называлось все, что приобретено или перешло по наследству и на что есть «купчая» или какая-либо бумага, заменяющая ее. Понятия «владения» и «пользования» крестьяне различали. По их убеждению, пользоваться можно в общественном лесу дровами, валежником, на выгоне травой, а владение этим принадлежит всему обществу.

На функционирование обычного права в изучаемый период оказывали воздействия те же факторы, которые влияли в целом на крестьянское сообщество. Модернизация российского общества и эмансипация крестьянства формировали в сельской повседневности новации, которые не укладывались в традиционные рамки народных правовых обычаев. Очутившись в круговороте разнообразных, вызываемых капиталистическим строем правоотношений в качестве участника в тех или иных сделках, покупая и продавая, нанимая и нанимаясь и т.д., крестьянин ощутил настоятельную потребность в законном ограждении своих интересов наравне с людьми других состояний.

7. ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Изучение массовых явлений веры крестьян приводит к выводу об ошибочности противопоставления православия народного и церковного. Современное состояние науки со всей очевидностью убеждает во всей искусственности и ошибочности теорий «двоеверия», «бытового православия», «обрядоверия» и пр. В религиозных представлениях русских крестьян наследие языческого прошлого было значительным, но не равноценным православию. На протяжении всей истории процесс взаимодействия официальной церкви и крестьянства был основан на компромиссе. Это взаимное приспособление произошло путем принятия крестьянским миром канонов православия и приспособлением церковью народных обычаев к христианской догматике.

Еще в XIX веке отмечалось, что русский крестьянин воспринял православие не как свод догм, а как обращенную к каждому истину, формирующую жизненные устои и отношения. По утверждению Г.П. Федотова, «Родовые начала славянского быта глубоко срослись с христианской культурой, которую «всю исходил Христос». Глубина веры определяется уровнем духовности, а не уровнем знаний о религии. Не ведая многих канонов и церковных установлений, коверкая некоторые молитвы, придавая порой большее значение внешней стороне обряда, крестьяне верили в Бога, как говорили в селе, «всем сердцем». Православие выступало основным содержанием народной культуры, в самом высоком смысле этого слова. Проницательный Ф. Степун писал: «Если культура – целостное мирозерцание и вытекающее из него единство жизненного стиля, то не подлежит, конечно, никакому сомнению, что крепко веровавший, по старине живший и всегда знавший, что пристойно и что непристойно, старый русский дореволюционный хлебороб-хозяин был высококультурным человеком в самом подлинном и строгом смысле этого слова».

Православие – не просто составная часть культуры русского народа. Влияние его на жизнь народа было воистину всеобъемлющим. Семейно-брачные отношения, этические нормы поведения, формы проведения досуга, различные виды взаимопомощи формировались и приобрели присущие им черты под воздействием православия. В XIX веке, как и в предыдущие столетия, русские крестьяне четко сознавали свою принадлежность к православной вере. Это выражалось в общепринятом обращении на сельских сходах – «Православные!».

Православные традиции были органически вплетены в канву повседневной крестьянской жизни. Вера Христова зримо и незримо сопровождала крестьянина от рождения до смерти. Рубежные события в его жизни определялись христианскими таинствами – крещения, венчания, отпевания. Ощущение церковной соборности достигалось посредством участия в воскресной литургии и приобщении Святых Христовым Тайн (причастие). Азы православной веры постигались в сельской семье через регулярные действия: исполнение утреннего и вечернего правила, молитвы перед едой, чтение слова Божьего (Евангелия) – и зримые образы креста, икон, священных предметов.

Цикл крестьянской жизни был неразрывно связан с церковным календарем. Церковные праздники являлись ориентирами, с которыми крестьяне соотносили все наиболее значимые события своей жизни. В повседневности они вели счет следующим образом: такое событие произошло на Покров, а не 1 октября; на заговенье осеннее, а не 15 октября; на Казанскую, а не 22 октября. Аналогичным образом крестьяне вели учет семейных событий: рождения, крещения, свадьбы. Говорили, что такому-то исполнилось столько-то лет на Святого Илью-пророка (20 июля).

Повседневная жизнь русского крестьянина проходила не только в рамках сельской общины, но и церковного прихода, и порой было трудно разграничить их компетенции, настолько плотно они переплетались. Приход был определяющим религиозно-общественным институтом в формировании духовно-нравственного облика сельской паствы. На основе анализа используемых источников можно сделать вывод о том, что большинство приходских священников добросовестно и ревностно исполняли свой пастырский долг. «Почтение к священнику как духовному отцу оказывалось крестьянами на каждом шагу. При встрече со священником они, как правило, считали своим долгом снять шапку, низко поклониться, просить благословения, называли священника батюшкой».

К помощи Божьей, заступничеству Богородицы и «близким» молитвам святых угодников крестьяне традиционно прибегали во время болезней. Орловский владыка в 1907 г. со ссылкой на наблюдения благочинных сообщал в Синод, что «при заболевании простой народ, прежде всего, спешит исповедаться и причаститься». В случае хронических и опасных болезней крестьяне давали обеты (отслужить молебен, пожертвовать на храм, совершить паломничество и т.п.) Данные обеты непременно исполнялись. Жители села искренне верили в целительную силу мощей угодников Божьих. «Нет, – думает мужик, – не может быть того, чтобы бессмертная душа этих угодников прошла мимо моих страданий и не пришла мне на помощь».

Предметом почитания и поклонения были могилы подвижников, юродивых, блаженных. Так, могила блаженной Ксении Петербургской еще до канонизации стала местом паломничества и чудесных исцелений. С целью избавления от недуга крестьяне часто прибегали к целительной силе поста. Благочестивые деревенские жители брали обет держать пост в понедельник помимо среды и пятницы или же говели целый год. Над больными людьми и не только пожилыми совершали таинство соборования.

Не только в скорбях, но и в радости селяне обращались к Богу. Заказывали молебны перед началом и по окончании того или иного важного дела. Перед новосельем служили «вхожую». Периодически приглашали сельского священника, чтобы тот совершил чин освящения жилища. После выгодной сделки, удачного приобретения, благополучных родов и тому подобных спешили в храм, чтобы соборно совершить благодарственный молебен. Не забывали поминать о здравии родных и близких на Божественной литургии.

Все наиболее важные этапы в жизни крестьян были связаны с православием. Крестьяне верили в святость венца. В восприятии сельских жителей брак являлся не только жизненной необходимостью, но исполнением Божественной заповеди. Ему предшествовала целая череда сельских обрядов, в большинстве своем православных по своему содержанию. Так, во время сватовства, когда согласие на будущий брак достигнуто, присутствующие зажигали свечи, усердно молились, после чего давали друг другу обещания, скрепляя их взаимным целованием. Обещание держалось крепко, а нарушение считалось грехом. «Грешно будет нарушить слово – говорили крестьяне. – Хотя люди его не

слышали, зато свидетелем Бог, он может покарать гордых родителей». Венчанию предшествовало родительское благословление, когда отец и мать жениха осеяли иконой молодых, прося Господа, чтобы их брак был счастливым. А перед выездом в церковь жених или дружка трижды обходили брачный поезд с молитвой с целью защитить молодых от нечистой силы.

Таинство венчания совершалось в сельском храме и являлось одним из самых значимых событий в жизни крестьян. «Обряд венчания – один из самых великих таинств для крестьянина. Он не только уважает его, но и благовоинно готовится к нему, со страхом встречает. Тут Бог благословляет человека на новую жизнь, решает для него счастье или несчастье. Был жених добрый, а невеста честная – присудит Господь толику во брачной жизни, нет – не пошлет Господь и радости. Момент таинства, поэтому самый крупный и страшный в жизни момент исполнения предопределения Божьего. Отсюда и названия таинства – Судом Божиим».

По православным понятиям, семья являлась «малой церковью» то есть была призвана блюсти основы христианской жизни каждого своего члена. Носителями религиозных воззрений в патриархальной семье выступало старшее поколение. Они (старшие) всегда следили, чтобы молодежь не пропускала праздничные богослужения и аккуратно выполняла религиозные предписания. Под праздники в крестьянской семье читали вслух Евангелие, а после ужина бабы становились на колени и наказывали детям усердно молиться. Ежедневные молитвы, как правило, пели, и поэтому крестьянские дети с раннего возраста знали наизусть «Отче Наш», «Царю Небесный», «Богородице, Дево радуйся», «Достойно есть». В массе своей неграмотные крестьяне высоко ценили школу за то, что в ней их детей учили Закону Божьему. Тамбовский владыка в 1892 году делился своими впечатлениями по этому вопросу. В отчете о состоянии епархии он, в частности, сообщал: «На воспитание детей своих – на обучение их грамоте и закону Божьему народ смотрит как на высокополезное дело. По возможности помогает этому благому делу». Сельский учитель Н. Бунаков писал в начале XX века, что, по мнению крестьян, хорошая школа дает знание Закона Божьего и позволяет детям участвовать в богослужении. Крестьяне приветствовали участие своих детей в церковном хоре, высоко ценили умение читать Псалтырь, Часослов, Деяния апостолов.

Крестьянское сознание определенно связывало поведение человека с состоянием его веры. Для того чтобы у человека в деревне была хорошая репутация, он должен был регулярно посещать церковь и аккуратно выполнять все религиозные обряды, за чем наблюдала вся деревня.

В оценке крестьянами односельчанина его благочестие играло во многом определяющую роль. Положение и авторитет крестьянина в общине определялись не только его трудовыми навыками и умением вести хозяйство, но соблюдением им норм христианской морали. Помня о том, что «вера без дел мертва», крестьяне судили о человеке не по его внешней набожности, а по степени выполнения им Христовых заповедей.

Православные традиции находили свое выражение в повседневном соблюдении крестьянами религиозных установлений. Воронежский крестьянин И. Столяров в своих воспоминаниях о детстве в деревне (конец XIX века) писал, что посты в деревне соблюдались очень строго. Соблюдение постов (всего в году насчитывалось более двухсот постных дней) определяло режим питания сельской семьи, рацион потребляемых продуктов. В постные дни не пили молока не только взрослые, но и дети. Питались во время поста только квасом, кислой капустой, картофелем и пшенной кашей. К аналогичным выводам приходили и сторонние наблюдатели. Вот что по этому поводу писал А.Х. Минх: «Русский народ строго соблюдает посты, решающийся без зазрения совести на кражу сочтет страшным грехом оскоромиться в постный день. Крестьяне постятся в среду и пятницу. В Рождественский сочельник не едят до звезды, а в Крещенский – до воды». Сельские жители в большей мере соблюдали формальную сторону поста и не в полной мере осознавали его духовное содержание. На вопрос: «Что грешнее, украсть или выпить молока в постный день?» крестьянский мальчик, не задумываясь, отвечал: «Выпить молока в постный день грешнее».

Обыденным в поведении жителей села являлась подача милостыни. «Крестьянин никогда не отказывал нищему в подавании», – утверждал в конце XIX века житель Брянского уезда. Об угощении крестьянами бедных «в любое время по мере своих сил» сообщали из Валуйского уезда Воронежской губернии. В Суджанском уезде Курской губернии по большим праздникам хозяйки брали с собой в церковь ржаные лепешки, вареники в деревянных мисках, бублики и пироги и по окончании службы оделяли ими нищих. В повседневной жизни бескорыстную помощь бедным и неимущим крестьяне не считали подвигом, а воспринимали ее как жертву Богу.

Помня слова Спасителя о том, «чтобы милостыня твоя была в тайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (МФ 6,1-4) крестьяне практиковали тайную милостыню. «Потаенная милостынька» служила в деревне способом поминовения душ усопших. Вот что писал в конце XIX века Е. Всеволожский: «Она (то есть милостыня) раздается бедным бобылкам, стариками в течение 40 дней, по три милостыньки на каждую, и состоит из маленького пшеничного или полбленного хлебца, вроде просфоры и восковой свечки». Обычай тайной милостыни был своеобразной формой сельской помочи, проявлением духовного подвига русского крестьянства. Этнограф И.А. Кремлева, на основе расспроса старожилов, сделала вывод о широком распространении тайной милостыни в тамбовской деревне в конце XIX – начале XX веков и сохранении этого обычая в ряде мест и во второй половине XX века. Подчеркивая значимость этого богоугодного дела, сельские информаторы справедливо замечали, что «тайными подаваниями люди свою душу очищали, свои грехи замаливали». Одна из крестьянок (Бондарский район Тамбовской области), вспоминая свое детство, рассказывала, что их отец клал на завалинку мясо, муку – бедным. Деревенская традиция тайной милостыни, по утверждению Л.А. Тульцевой, сохранялась и в советский период, являясь составной частью поминальных ритуалов жителей села. «Собери бедному человеку когда и чего хочешь. Тайная милостынька очень доходна Богу». В этих крестьянских словах видно четкое понимание евангельской сути обряда.

Православная вера русского села находила свое выражение в широкой практике общественных молебнов и крестных ходов. Такие молебны были распространены по всей России и совершались по инициативе общины или отдельных мирян. Поводы для молебнов могли быть различны – это начало и окончание полевых работ, первый выгон скота, засуха, безветрие, эпидемия.

Соборной молитве крестьяне придавали особое значение. В селе говорили, «что Богу молиться, что на земле трудиться надо сообща, все вместе. Чтобы дома – всей семьей, в поле – всем миром, таков закон». Единство в вере, соборность – это та духовная основа жизни крестьян, которая, преодолевая имущественные различия, рождала ощущение христианского братства и зримого проявления деревенской солидарности.

Массовое проведение молебнов вне храма было сугубо церковным по своей сути: оно отвечало желанию максимально освятить все стороны своей жизни. Молебны на полях сопровождалась кроплением святой водой, в ходе их пели каноны и тропари, несли кресты, иконы и хоругви. Широко распространенная практика молебнов выражала православный характер хозяйственного бытия русского крестьянства.

Труд русского земледельца был немислим вне сознания ответственности перед Богом и исполнения его заповедей по отношению к земле, твари и своему ближнему в процессе хозяйственной деятельности. В коллективном сборнике «Русские» авторы справедливо отмечают, что «христианство способствовало выработке добросовестного отношения к труду, к строгой дисциплине на основе представления о том, что труд благословлен Богом». Имея нравственную опору в православии, крестьянин стойко воспринимал жизненные испытания в виде засухи, градобития, неурожая. Он утешал себя словами: «Видно, воля Божья». И в этом утверждении был сокрыт глубокий смысл «жизни во Христе», его упование на промысел Божий и неисчерпаемая надежда на грядущую милость Его.

Многообразными по форме и глубоко духовными по содержанию были проявления православной веры русских крестьян. Это, прежде всего, стремление к исполнению заповедей Божьих в сельской повседневности. Милосердие и сострадание являлись неотъемлемой частью крестьянской натуры. Все рубежные события в жизни крестьянина: рождение, брак и смерть – связывались с Божественным промыслом. Паломничество жителей русского села демонстрировало отнюдь не формальный характер народного благочестия. Оно служило благодатным источником, укрепляющим веру. Упование селян на милость Божью во время тяжелых испытаний (засуха, мор, эпизоотия и т.п.) находило свое зримое выражение в практике внецерковных молебнов и крестных ходов. Религиозность русского крестьянства с достаточной силой выразилась в традиционной для русской деревни обрядности в сфере сельскохозяйственного производства.

8. СЕЛЬСКИЕ СУЕВЕРИЯ И ОБРЯДЫ

В XIX – начале XX веков в народном православии продолжали существовать суеверия и поверья, уходящие своими корнями в языческое прошлое. Дуализм крестьянского восприятия хорошо выражала поговорка: «Бога люби, но черта не гневи». Причину жизненности сельских суеверий следует видеть в особенностях крестьянской ментальности и характере аграрного труда.

Этнографические исследования конца XIX века выявили широкое распространение и примерное единообразие народной демонологии. Один из современников писал: «Народ православный донныне верит в чудодейственную силу заговоров, заклинаний, в колдовство, порчу, наговоры, в существование домовых, русалок, ведьм, лешего». Приверженность жителей деревни суевериям отмечало сельское духовенство. «Не исчезли еще в народе и остатки языческих суеверий, например вера в ворожбу, гадания, разные приметы», – признавалось в отчете о состоянии воронежской епархии за 1915 год. И в отчете следующего года находим аналогичное утверждение о том, что «народ все еще склонен к суевериям, которые распространены, главным образом, среди женщин».

Суеверие крестьян проистекало из самого образа жизни, существования на грани выживания, полной зависимости его от капризов природных и мистических сил. В силу этого аграрная магия в духовном мире пахаря играла особую роль. Все действия были направлены на то, чтобы максимально оградить урожай, скот от неблагоприятного влияния.

Вот некоторые из крестьянских поверий. На Орловщине сеять выезжали так, чтобы никто не видел, а во время жатвы оставляли несжатую полосу «Илье на бороду». Так что несжатая полоска, что наводила на поэта «грустную думу», не пример крестьянской беспечности, а элемент аграрной магии. «Вот тебе Илья – борода, на лето уроди нам ржи да овса», – приговаривали женщины, заламывая несжатые колосья и завивая их по солнышку.

В Тамбовской губернии в день засева хлеба ни один крестьянин не давал взаймы ни денег, ни зерна. Считалось, что нарушение этого условия может привести к неурожаю. В тамбовской деревне считали, что, если освященную вербу воткнуть в землю, она сбережет посевы. Вера крестьян в магические свойства земли проявлялась в обряде «дожинок» в период окончания уборки. Так, в Орловской губернии бабы ложились на жнивье и катались на восток по несжатой полоске хлеба, приговаривая: «Жниво, жниво, отдай мою силу».

На Св. Егория в Орловской губернии в целях оберега выгоняли скот до восхода солнца, по росе. Верили, что коровы не будут болеть и дадут больше молока. В с. Рудовка Осиново-Гаевской волости Кирсановского уезда существовал так называемый «куриный бог». Представлял он собой черный камень с дырой посередине, размером с куриное яйцо, который в таком виде найден в земле. Он вешался на нитке в курятнике, чтобы куры плодились. В рождественские святки в воронежских селах жгли навоз во дворах во избежание падежа скота.

Особая группа суеверий была связана с сельским правосудием. Распространено было в деревне поверье о необходимости поститься в пятницу перед днем св. Космы и Доминана для успешного исхода судебного дела, а также о ношении на себе при приходе в суд «сорочки», то есть тонкой плевры, в которой рождаются дети. Перед тем как идти в суд, крестьянин, обычно с семьей, молился перед иконой св. Николая. В селе считали: чтобы выиграть судебную тяжбу, необходимо на Пасху выпросить у священника освященное яйцо, взять его на суд и в течение заседания катать его в кармане. В большей мере полагались на милость Божью. «Кто читает по три раза на дню 90 и 108 псалмы или Евангелия утром и вечером, тот выиграет всякий суд», – говорили мужики в Орловской губернии. Существовал в деревне обычай «заворования». Крестьяне верили, что если благополучно украсть в ночь перед Благовещением, то можно целый год воровать, не боясь быть пойманным.

К суеверию крестьяне в повседневной жизни прибегали с целью обнаружить преступника, найти украденную вещь. Крестьяне верили, что если поставить в церкви перед иконой Иоанна воина «забидящую свечу», то вор начнет «сохнуть», чахнуть и в конце концов сам принесет украденную вещь назад или подбросит ее. Для отыскания преступника в селе прибегали к помощи местных ворожей, и те гадали на картах, бобах или воде. Разложив карты, или посмотрев на воду, ворожея указывала в первом случае направление жительства похитителя и цвет его волос, а в последнем – приблизительно описывалась его наружность.

Не меньше суеверий было и в сельском быту. Вполне закономерно, что в основном они были связаны с наиболее значимыми событиями в жизни крестьян. В Курской губернии новобрачные переезжали через огонь, чтобы на них не навели порчу. На венчании в церкви наблюдали, кто из молодых первый наступит ногой на ковер, тому господствовать в жизни, чья свеча быстрее сгорит, тот скорее умрет. Во время крещения, при пострижении, волосы младенца закатывали в воск и бросали в купель. Кумовья смотрели: если шарики тонули, то младенец не жилец, если оставались на поверхности, то новорожденный долговечен. Когда покойника выносили из дома, то делали это через задний двор, чтобы он не нашел дорогу с кладбища. В понедельник важные дела не начинали. Под праздник не давали в долг, чтобы не вывелись деньги в доме. В Благовещенье огня в доме не зажигали, чтобы кого-нибудь в семье не убило молнией в наступающее лето. Когда переходили в новый дом, обыкновенно входили с хлебом-солью задними воротами, чтобы перевести с собой и домового.

Вера в нечистую силу крепко держалась в народе, давала ему объяснение некоторых явлений природы, указывала на виновника людских невзгод и неудач. По убеждению крестьян, «Злые духи – исконные враги Бога – ведут свое происхождение от падших ангелов и находятся в борьбе с Божественной силой». Свергнутые нечистые духи живут в тартаре, но они выходят на землю, чтобы соблазнять людей и делать им всевозможное зло. Всю ответственность за произошедшее несчастье, а порой и за собственные ошибки, было принято перекладывать на действия нечистой силы. «Он соблазнил, он подбил на грех, лукавый попутал».

Мир нечистой силы в русской деревне был разнообразен и многолик. Остановимся на наиболее ярких его представителях. Черт в народных поверьях – враг и враг сильный, упорно стремящийся вредить людям. Над чертями насмехались, в то же время действительно боялись их. Образ черта присутствовал в повседневных мужицких трудах и заботах, а они хоть и были знакомы крестьянину до тонкостей, однако были чреваты неожиданностями и опасностями.

Духов, населявших жилище, называли домовой, доможил, домовик, хозяин. Крестьяне считали, что он есть в каждом доме. Домовой чаще всего обитал в хлеву, овине, риге, подполье. Он мог принимать человеческий облик – старика или умершего хозяина. Любимый скот, чаще всего лошадей, домовый холил и чистил, отбирал корм у других животных. В с. Старое Сысоево Моршанского уезда крестьяне верили, что домовой заплетает лошадям гриву. Нелюбимых животных домовой, напротив, изводил. Являясь сторожем хозяйского имущества, он в случае кражи, ходил в дом вора и там выл в переднем углу, пока тот не возвращал похищенное добро. Предупреждал о несчастье: «К худу или добру». Обидеть домового можно было божбой, бранным словом. Мог покинуть дом, после чего домочадцы болели, а скотина хирела и дохла. Поэтому с домовым предпочитали не ссориться. При переезде в новый дом звали домового с собой, «иди, хозяин, с нами жить».

В народе его звали лешим, лесовиком. Жил он преимущественно в глухих лесах, болотах. Являлся в образе человека или животного. Чаще всего его представляли волосатым, нагим, с длинными белыми волосами и зелеными глазами. Главное занятие – охрана леса. Свое присутствие обозначал громким свистом, хохотом, криком петуха или плачем ребенка. Любил сбивать путников с дороги. Для предотвращения козней лешего, чтобы выбраться на дорогу, нужно было вывернуть одежду наизнанку, поменять сапоги и сказать: «приди вчера».

Водяной, или болотный, по народному поверью, жил в омутах рек, в глубоких лесных озерах, в болотах. Имел вид седого старика, чаще нагого, реже одетого в красную рубаху. В деревне считали, что водяные происходили от воинов фараона, потонувших в Черном море. Ему были подвластны рыбы, лягушки. По отношению к людям был злым, старался затопить их на глубину и утопить. Особенно опасным считалось купание в понедельник или в полночь. Другими обитателями водной среды были русалки. Их чаще всего представляли в виде обнаженных женщин с длинными распущенными волосами и горящими глазами. Они привлекали людей красотой и могли защекотать насмерть. Русалки любили купаться на утренней и вечерней зорях. В русалках олицетворяли всех умерших в дохристианскую эпоху, души младенцев, некрещеных и утопленниц. В народных верованиях сохранились упоминания о «русальной неделе», когда они бегали по лесам и щекотали встречных людей, особенно перед Троицей. В ряде мест накануне Петрова дня устраивали проводы русалок. В эти дни пели, водили хоровод, сжигали чучело русалки и прыгали через очистительный костер.

В поверьях крестьян встречаются такие мистические персонажи, как «фармазон» и «любостай», скорее всего это были некоторые из проявлений обликов черта. Любостай появлялся, когда женщина тосковала по своему умершему супругу. Он принимал облик любимого и вступал с ней в соитие, и после пяти-шести месяцев таких визитов женщина чахла и умирала. Фармазон приходил к тому, кто хотел получить недоступное: богатство, славу, известность, любовь красавицы. Человек выходил в чисто поле, призывал его, разрезал мизинец правой руки и кровью из раны писал расписку, по которой за исполнение просьбы его душа после смерти отходила во власть дьявола.

Своеобразным посредником между людьми и «князем тьмы» являлся колдун. Сельские жители старались избегать общения с ним, так как он водился с нечистой силой. По представлениям крестьян Воронежской губернии, чтобы стать колдуном, необходимо было заключить договор с дьяволом. Кто желал получить от колдуна чародейскую силу, должен был снять с себя крест и три раза отречься от Бога. После продажи души сатана давал новоиспеченному чародею в помощь несколько чертей.

К ворожеям в селе относились с суеверным страхом, но еще больше боялись колдунов. На свадьбах колдуну выказывали особый почет из-за боязни, чтобы он не испортил молодых. В мерах предосторожности в платье невесты натыкали иголки. К помощи колдунов и ведьм прибегали для осуществления «приворотов» и «отворотов», поиска

пропащей вещи. В народе считали, что колдуны и ведьмы не могли умереть, пока не передадут свой дар другому человеку. Их смерть сопровождала страшная агония, а душа уходила через потолок. На кладбище их несли головой вперед, на перекрестках гроб поворачивали кругом, чтобы они не вернулись назад.

Другими служителями сатаны, как считали в деревне, были ведьмы. Они могли ночью превращаться в свиней, кошек, собак и ходить в таком облике до петухов. Интересен тот факт, что все рассказы об оборотнях, бабах-колдуньях чаще всего начинались со слов «мой дядя видел», «моя тетка слышала». В Рыльском уезде Курской губернии в среде местных крестьян существовало предание о Лысой горе – месте сбора ведьм.

Жители села были убеждены, что ведьмы портили людей, изводили скотину. Порча производилась посредством собранных в ночь Ивана Купалы трав, наговорами на еду и питье. Человек, на которого навели порчу, начинал чахнуть, или делался «припадочным», или начинал «кликушествовать». Только сглазом можно было объяснить, почему вдруг корова перестала доиться или молодая девушка «таяла» на глазах.

В быт крестьянина органически вписывалась нечистая сила, с которой он находил общий язык, стремился ладить и влиять на нее соответствующими методами и средствами. Всякое мало-мальски значимое событие жители деревни сопровождали четко прописанными действиями, при не соблюдении которых ждали несчастье.

Крестьянские суеверия не являлись никакой второй верой по причине того, что народная демонология не противоречила православному религиозному сознанию. Многоликость сил зла, признаваемая жителями села как реальность их земного бытия, не отрицала, а лишь подтверждала каноны православия. Все сведения о проявлениях деревенских суеверий, зафиксированные исследователями, содержат упоминания о средствах противодействия мистическим силам зла. Это крестное знамение, молитвы, молебен, то есть все средства, используемые церковью для борьбы с духом противления Божественной воле.

Сельские обряды выступают одной из форм народной памяти, в которой сконцентрирован вековой опыт отношения человека к окружающему миру. Изучение крестьянских обрядов дает исследователю богатый материал для научного осмысления содержания и основных черт сельской повседневности. Многообразная ритуальная жизнь русской деревни отражала в себе практически все стороны крестьянского бытия. Сельский обряд сопровождал человека от рождения и до смерти. Хранительницей и носительницей обрядовых традиций в селе являлась женщина. Сама дающая жизнь, она занимала ведущее место в обрядах, связанных с пограничными моментами в крестьянской судьбе – жизнью и смертью.

Целый комплекс обрядовых действий в русской деревне связан с рождением ребенка. С целью благоприятного исхода родов в красном углу зажигалась венчальная свеча, а все домочадцы усердно молились. В процессе родов бабки использовали святую воду, ладан и свечи. Заговоры повитух включали в себя обращения к Господу, Богородице и различным святым. Традиционной покровительницей в родах считали бабушку Соломоницу (Соломею), которая согласно апокрифическому Протоевангелию Иакова принимала божественные роды у девы Марии. У омытого ребенка повитуха трехкратно слизывала спину или лоб, затем столько же раз сплевывала, чтобы оградить новорожденного от «очеса призора». Пеленание младенца сопровождалось молитвой и крестным знаменем. Если ребенок сильно кричал, то бабка вспрыскивала с уголька, для чего в чашку с водой она клала уголь, затем набирала этот раствор в рот и трижды брызгала в лицо младенца со словами: «Господи, спаси младенца!»

Одним из обрядов, совершаемых повитухой, являлось «крещение в горшке». К нему прибегали в тех случаях, когда ребенок рождался слабым и мог не дожить до крещения. В таких случаях младенца торопились окрестить, боясь, чтобы он не умер «богдашкой» (некрещеным). Исходя из канонів православия, повивальная бабка не могла совершать таинство крещения, но страх родителей перед тем, что младенец умрет некрещеным, оказывался сильнее догматических запретов. Во время обряда повитуха зажигала свечи вокруг горшка с водой и с положенной молитвой опускала ребенка в купель. Сельские священники, естественно, не одобряли такую самодеятельность. Но как отмечает В.Д. Орлова, на основе материалов Тамбовской духовной консистории, «никаких данных о повторном крещении в храме выжившего крестника повитухи не встречается».

Пребывание повитухи в доме у роженицы требовало, по представлению крестьян, обязательного последующего очищения. Этот обряд назывался «размывание рук» и совершался, как правило, на третий день после родов. Исполнение обряда давало частичное очищение роженице и позволяло повитухе идти принимать очередные роды. Последовательность действий в обряде была следующей. В таз с водой бросали горсть овса или хмеля, затем три горящих угля. Посередине избы крестообразно клали топор и веник. Женщина становилась на них правой ногой. Повитуха лила воду на руки женщине так, чтобы она стекала ей по локтям. Та, в свою очередь, подхватывала воду с правого локтя левой рукой и пила, так повторялось три раза. Затем это же делала повитуха. По окончании ритуала они усердно молились Богу, а роженица трехкратно кланялась бабке и просила у той прощение. В завершение всего повивальной бабке давали мелкую монету или дарили кусок полотна, ковригу хлеба, солонку соли. В случае смерти сельской повитухи в последний путь проводить ее приходили все женщины, у которых она принимала роды. В Бондарском, Пичаевском районах Тамбовской области, по сведению информаторов, умершей повитухе обвертывали руки разноцветными лентами.

Женщина как носительница жизненного начала выступала главным действующим лицом в деревенских обрядах, выполнявших охранительную роль. Наиболее известным из сельских ритуалов, связанных с заклинанием смерти, был обряд опахивания. Очевидно, данный обряд, не единожды описанный этнографами, возник в русской деревне в дохристианский период. В дальнейшем, сохранив свой предохранительный смысл, он органически вообрал в себя и христианскую атрибутику. К опахиванию в селе прибегали в случаях эпидемий, падежа скота. Сохранилось много описаний этого древнего обряда. Этнографические источники, несколько отличаясь в деталях, схожи в передаче содержания ритуальных действий. Вот примерный сценарий происходившего. В глухую полночь выходили на улицу девушки и вдовы, заранее сговорившись между собой. Участницы были в белых рубахах, с распущенными волосами и с за-

женными свечами. Они вооружались всем тем, что может издавать звук: косами, сковородами, печными заслонками и т.п. Впереди процессии несли иконы Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца, кадили ладаном. Далее находился главный предмет действия – соха. В нее впрягали в одних местах бабу-неродицу, в других – вдову, известную своей благочестивой жизнью. Сохой правила девушка, которая собиралась замуж. Остальные девки, помогали тащить соху вокруг деревни. Вдовы, шедшие вослед, набирали песок и рассеивали его по борозде.

На Орловщине в борозду зарывали живыми черного щенка, черную курицу, черного петуха. В Тамбовской губернии во время опаживания процессия останавливалась на каждом переулке, а ее участники распахивали сохой борозду в форме креста и зарывали здесь часть курившегося ладана с целью отогнать нечистого духа. Обойдя вокруг села, участники замыкали символический круг, который, по их мнению, непреодолим для всякой нечисти. В Харьковской губернии для предотвращения падежа скота село с сохой обходили трехкратно, после чего на перекрестке разводили костер и прыгали через огонь с целью очищения. Языческие корни этого обряда проявлялись и в том, что участники его считали, что смерть можно отогнать или ввести в заблуждение. С этой целью во время шествия женщины скакали на палках, рогах, метлах, ударяли в сковороды, при этом припевали:

«Ух, ты смерть, смерть,
Не ходи в наше село.
В нашем селе 9 дев, 9 баб,
9 маленьких ребят,
Три вдовы молоды».

Если процессия крестьянок встречала мужчину, то его считали «смертью», против которой совершался обряд, и поэтому его жестоко избивали, приговаривая «вот коровья смерть пришла». Машкин, описывая обряд опаживания в деревнях Курской губернии, отмечал, что «бабы доходят до остервенения и бросаются на все, что попадает на пути, а случайных прохожих избивают до полусмерти». В тамбовских селах, по свидетельству очевидцев, этот обряд совершался втайне от мужчин. Более того, если бабы замечали постороннего, то они нападали на него и избивали. Сочетание в данном обряде молитвы, икон, креста с языческим жертвоприношением, смиренного призыва к милости Божьей с дикой, животной яростью может показаться парадоксальным. Но это противоречие лишь кажущееся, сродни извечной тяги мужика к «иконе и топору».

9. ПИЩА, ЖИЛИЩЕ, ОДЕЖДА

Крестьянин кормился от трудов своих. Народная пословица гласит: «Как потопаешь, так и полопаешь». Состав крестьянской пищи определялся натуральным характером его хозяйства, покупные яства были редкостью. Пища селян отличалась простотой, еще ее называли грубой, так как она требовала минимум времени на приготовление. Огромный объем работы по хозяйству не оставлял стряпухе времени на приготовление разносолов, и обыденная пища была однообразной. Только в праздничные дни, когда у хозяйки было достаточно времени, на столе появлялись иные блюда. Вообще, сельские женщины были консервативны в компонентах и приемах приготовления пищи.

На основе изученных этнографических источников можно с высокой долей вероятности реконструировать повседневный рацион русского крестьянина. Известная поговорка «Щи да каша – пища наша» верно отражала обыденное содержание еды жителей деревни. В Орловской губернии повседневную пищу как богатых, так и бедных крестьян составляло «варево» (щи) или суп. По скоромным дням эти кушанья приправлялись свиным салом или «затолокой» (внутренним свиным жиром), по постным дням – конопляным маслом. В Петровский пост орловские крестьяне ели «муру» или тюрю из хлеба, воды и масла. Праздничная пища отличалась тем, что ее лучше приправляли, то же самое «варево» готовили с мясом, кашу на молоке, а в самые торжественные дни жарили картофель с мясом. В большие храмовые праздники крестьяне варили студень, холодец из ног и потрохов.

Мясо не являлось постоянным компонентом крестьянского рациона. По наблюдениям Н. Бржеского, пища крестьян в количественном и качественном отношении не удовлетворяла основные потребности организма. «Молоко, коровье масло, творог, мясо, – писал он, – словом, все продукты, богатые белковыми веществами, появляются на крестьянском столе в исключительных случаях: на свадьбах, при разговении, в престольные праздники. Хроническое недоедание – обычное явление в крестьянской семье». Бедный мужик вволю ел мясо исключительно только на «загвину», то есть в день заговения. К этому дню крестьянин, как бы он ни был беден, обязательно готовил себе мясо и наедался часто так, что на следующий день лежал с расстройством желудка. Редко крестьяне позволяли себе пшеничные блины с салом или коровьим маслом.

Другой редкостью на крестьянском столе был пшеничный хлеб. В «Статистическом очерке хозяйственного положения крестьян Орловской и Тульской губерний» (1902) М. Кашкаров отмечал, что «пшеничная мука никогда не встречается в обиходе крестьянина, разве лишь в привозимых из города гостинцах в виде булок и т.п. На все вопросы о культуре пшеницы не раз слышал в ответ поговорку: «Белый хлеб – для белого тела».

Из круп наиболее распространено было просо. Из него варили кашу «сливуху» или кулеш, когда в кашу добавляли свиное сало. Постные щи заправляли растительным маслом, а скоромные щи забеливали молоком или сметаной. Основными овощами, употребляемыми в пищу, здесь являлись капуста и картофель. Морковь, свеклу и другие корнеплоды до революции в селе выращивали мало. Огурцы появились на огородах тамбовских крестьян лишь в советское время. Еще позже, в предвоенные годы, на огородах стали выращивать помидоры. Традиционно в деревнях культивировали и употребляли в пищу бобовые: горох, фасоль, чечевицу.

В зимние посты крестьяне ели кислую капусту с квасом, луком, соленые огурцы с картофелем. Щи варили из кислой капусты и квашеных буряков. На завтрак обычно был кулеш или галушки из гречневого теста. Рыбу употребляли в разрешенные церковным уставом дни. В скоромные дни на столе появлялись щи с мясом, творог с молоком. Зажи-

точные крестьяне в праздничные дни могли позволить себе окрошку с мясом и яйцами, молочную кашу или лапшу, пшеничные блинцы и коржики из сдобного теста.

Повседневным напитком у крестьян была вода, в летнюю пору готовили квас. В конце XIX века в селах чаепитие распространено не было, если чай и употребляли, то во время болезни, заваривая его в глиняном горшке в печи. Но уже в начале XX века из деревни сообщали, что «крестьяне полюбили чай, который они пьют по праздникам и после обеда. Более состоятельные начали приобретать самовары и чайную посуду. Для интеллигентных гостей кладут вилки к обеду, сами мясо едят руками».

Обычный порядок еды у крестьян был таким: утром, когда все вставали, то подкреплялись кто чем: хлебом с водой, печеным картофелем, вчерашними остатками. В девять-десять утра садились за стол и завтракали «варевом» и картошкой. Часов в 12, но не позже 2 дня, все обедали, в полдник ели хлеб с солью. Ужинали в деревне часов в девять вечера, а зимой и раньше. Полевые работы требовали значительных физических усилий, и крестьяне, в меру возможностей, старались употреблять в этот период более калорийную пищу. Священник В. Емельнов на основе своих наблюдений за жизнью крестьян Воронежской губернии сообщал в Русское географическое общество: «В страдную летнюю пору едят четыре раза. В завтрак в постные дни едят кулеш с одним ржаным хлебом, когда вырастает лук, то с ним. В обед хлебают квас, добавляя в него огурцы, потом едят щи (шты), наконец, крутую пшеничную кашу. Если работают в поле, то весь день едят кулеш, запивая его квасом. В скоромные дни к обычному рациону добавляют сало или молоко. В праздник – студень, яйца, баранина в щах, курятина в лапше».

Семейная трапеза в селе производилась по раз заведенному порядку. Вот как описывал П. Фомин, житель Брянского уезда Орловской губернии традиционный прием пищи в крестьянской семье: «Когда садятся обедать и ужинать, то все по начину хозяина начинают молиться Богу, затем уж садятся за стол. Вперед хозяина никто ни одно кушанье не может начинать. Иначе попадет ложкой по лбу, хотя бы это был и взрослый. Если семья большая, детей отсаживают на полок и там кормят. После еды опять все встают и молятся Богу».

Из вышеприведенного обзора пищи крестьян видно, что основу рациона сельского жителя составляли продукты натурального производства, в нем преобладали продукты растительного происхождения. Достаток пищи носил сезонный характер. Относительно сытый период от Покрова до святок сменялся полугодным существованием в весенне-летний период. Состав употребляемой пищи находился в прямой зависимости от церковного календаря. Питание крестьянской семьи выступало отражением хозяйственной состоятельности двора. Отличие пищи зажиточных и бедных крестьян заключалось не в качестве, а в количестве.

Изба являлась традиционным жилищем русского крестьянина. Конструктивно избы решались в форме квадратного или прямоугольного сруба из образующих стены венцов-рядов горизонтально положенных бревен, связанных в углах врубками. Решение плана избы просто и лаконично. Изба объединена под общей кровлей с хозяйственными постройками. Для внешнего облика избы характерна живописная асимметрия в размещении крыльца, ворот, ввоза, двора и окон, что придает особый уют и интимность русскому крестьянскому жилищу.

Крестьянское жилище состояло из клети, избы, сеней, горницы, подклети и чулана. Основное жилое помещение – изба с русской печью. Внутренняя обстановка избы основывалась на устойчивости традиций домашней и хозяйственной жизни крестьянина, что, в свою очередь, определялось многовековой статичностью экономики и быта: неподвижные широкие лавки, плотно прикрепленные к стенам, полки над ними; примыкающие к печи деревянные элементы; открытый посудный шкаф-блюдошка, люлька и другие детали домашней обстановки имеют историю многих веков. В обстановке избы нет ни одного лишнего случайного предмета, каждая вещь имеет свое строго определенное назначение и освещенное традицией место, что является характернейшей чертой народного жилища.

Постройка дома для крестьянина – это важный этап в его жизни, непреходящий атрибут обретения им статуса домохозяина. Усадьба под новостройку отводилась решением сельского схода. Заготовка бревен и возведение сруба обычно осуществлялась посредством мирской или соседской помочей. В селах основным строительным материалом являлась древесина. Состояние крестьянской избы и надворных построек выступало верным показателем хозяйственного состояния крестьянской семьи. По убранству жилища можно было безошибочно определить материальное положение жильцов. Корреспонденты Этнографического бюро так описывали внутреннюю обстановку домов бедных и зажиточных семей: «Обстановка семьи бедного крестьянина – это тесная ветхая лачужка вместо дома, да хлевишко, в котором есть одна лишь коровенка и три-четыре овцы. Бани, амбара и овина нет. У зажиточного всегда новая просторная изба, несколько теплых хлебов, в которых помещаются 2-3 лошади, три-четыре коровы, два-три теленка, два десятка овец, свиньи и куры. Есть баня и амбар».

Русские крестьяне были весьма неприятными в домашнем обиходе. Постороннего человека, прежде всего, поражал аскетизм внутреннего убранства. Большую часть комнаты занимала печь, служащая как для обогрева, так и для приготовления пищи. Во многих семьях они заменяли баню. Большинство крестьянских изб топились «по-черному». В каждой избе был стол и лавки вдоль стен. Иная мебель практически отсутствовала. Не во всех семьях имелись скамейки и табуретки. Спали обычно зимой на печках, летом на полатах. Чтобы было не так жестко, стелили солому, которую накрывали дерюгой.

Солома служила универсальным покрытием для пола в крестьянской избе. На нее члены семьи отправляли свои естественные надобности, и ее, по мере загрязнения, периодически меняли. О гигиене русские крестьяне имели смутное представление. По сведениям А.И. Шингарева, в начале XX века бань в с. Моховатке имелось всего две на 36 семейств, а в соседнем Ново-Животинном – одна на 10 семейств. Большинство крестьян мылись раз-два в месяц в избе в лотках или просто на соломе.

Постоянные работы по хозяйству и в поле практически не оставляли крестьянкам времени для поддержания чистоты в домах. В лучшем случае раз в день из избы выметали сор. Стены в домах мыли 2-3 раза в год, обычно к престольному празднику, Пасхе и Рождеству. Пасха в деревне традиционно являлась праздником, к которому сельские жители приводили свое жилище в порядок.

Крестьянская одежда оставалась традиционной на протяжении веков. Изменения в ней наметились лишь в начале XX века, что стало следствием развития фабричного производства.

Основными частями женского народного костюма были рубаха, передник, или занавеска, сарафан, понева, нагрудник, шушпан. Женская рубаха, как и мужская, была прямого покроя, с длинным рукавом. Белый холст рубахи украшали красным узором вышивки, расположенной на груди, внизу рукавов и по низу изделия. Самые сложные, многофигурные композиции с крупным рисунком (фантастические женские фигуры, сказочные птицы, деревья) располагались по низу изделия.

Самой декоративной и богато украшенной частью как северного, так и южного женского костюма был передник, или занавеска, закрывающий женскую фигуру спереди. Передник обычно делали из холста и орнаментировали вышивкой, цветными отделочными вставками, шелковыми узорными лентами. Край передника оформляли белым или цветным кружевом, бахромой из шелковых или шерстяных ниток, оборкой разной ширины.

Основу обыденной одежды тамбовских крестьянок составлял традиционный южнорусский костюм, испытывавший в конце XIX века значительное влияние городской моды. Девушки и замужние бабы носили сарафаны. В ряде мест у селянок сохранилась клетчатая или полосатая «панева», на головах «кокошники» и волосники с возвышениями или даже рогами. Привычная женская обувь «коты» (чоботы) уступили место башмакам или полусапожкам «со скрипом».

В русском народном костюме сохраняются старинные головные уборы и сам обычай для замужней женщины прятать волосы, для девушки – оставлять непокрытыми. Этим обычаем обусловлена форма женского головного убора в виде закрытой шапочки, девичьего – в виде обруча или повязки. Широко распространены кокошники, «сороки», разнообразные повязки и венцы. Из ювелирных украшений применяли жемчужные, бисерные, янтарные, коралловые ожерелья, подвески, бусы, серьги.

В деревнях мужчины носили посконное белье домашнего изготовления, рубаху с косым воротом, длиною до колен, и порты. Рубаха подпоясывалась тканым или сученым пояском. В праздничные дни надевали льняные рубахи. Зажиточные крестьяне щеголяли в рубахах из красного ситца. Верхнюю одежду летом составляли зипуны или свиты. По праздникам носили домотканые балахоны. А крестьяне побогаче – кафтаны тонкого сукна.

Этнограф Ф. Поликарпов, исследовавший в начале XX века быт крестьян Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии, отмечал: «Появляются щеголи, надевшие "гасподские" рубахи – косоворотки из ситца, легкие сапоги, перестают носить на поясе "гаманы"». Даже в пределах одного уезда этнографы обнаруживали разнообразие сельской одежды. «В одних местах носят "паневы" – черные клетчатые юбки, в других "юпки" красных цветов, с широкой обшивкой у подола – из лент и позумента. Девушки носят преимущественно сарафаны. Из верхней одежды на юго-востоке Нижнедевицкого уезда носят "зипуники", а на северо-востоке уезда "шушпаны". Везде обувь являются лапти с "анучами" и "партянками". В праздничные дни надевают тяжелые и широкие сапоги с подковами. Крестьянские рубахи скроены неаккуратно – широкие и длинные, пояс подвязывали "пот пуза", цепляя на него "гаман"».

Новшеством в сельском моде являлся и материал, из которого было сделано платье. Ткань фабричного производства (шелк, сатин) практически вытеснила домотканое сукно. Под влиянием городской моды изменился крой крестьянского платья. Крестьянин С.Т. Семенов о переменах в одежде крестьян начала XX века писал, что «самотканки вытеснялись ситцем. Зипуны и кафтаны заменились кофтами и пиджаками». Мужчины надевали поддевки, пиджаки, штаны не «набойчатые», а суконные и бумажные. Молодые люди ходили в пиджаках, подпоясывая брюки ремнями с пряжками. В прошлое уходили традиционные женские головные уборы. Сельские девушки ходили с непокрытой головой, украшая ее искусственными цветами, накинув платок на плечи. Деревенские модницы носили приталенные кофточка, «польты», шубки. Обзавелись зонтиками и калошами. Последние стали «писком» деревенской моды. Их носили больше для украшения, так как надевали в тридцатиградусную жару, идя в церковь.

Традиционно в деревне большое внимание уделялось показной стороне жизни семьи. В деревне хорошо помнили, что «встречают по одежке». С этой целью зажиточные хозяева и в будние дни носили высокие сапоги с бесчисленными сборками («в гармошку»), а в теплую погоду накидывали на плечи синие тонкого фабричного сукна кафтаны. Крестьянин всегда стремился к тому, чтобы у него было все не хуже, чем у соседа. Даже при небольшом достатке свободные денежные средства вкладывались в строительство дома, покупку хорошей одежды, иногда мебели, в устройство праздника «на широкую ногу», чтобы в деревне создавалось впечатление о зажиточности хозяйства.

Сфера крестьянского быта отличалась наибольшей устойчивостью. Причины тому – характер аграрного производства, замкнутость сельского мира и крестьянский традиционализм. Отличие в пище, одежде, жилище находилось в прямой зависимости от хозяйственного достатка крестьянской семьи. Перемены в сельском быту были следствием участвующих связей с городом, влиянием отхожего промысла, увеличения денежных накоплений и роста культурных потребностей жителей села.

10. ДЕРЕВЕНСКИЕ ПОРОКИ

Полярность сельской повседневности находила свое выражение в соседстве святого и грешного. Анализ деревенской обыденности был бы неполным без исследования природы и проявлений пороков в жизни русского села.

Употребление алкоголя следует также рассматривать как традицию сельского быта. Это проблема многоплановая, так как в ней нашли свое отражение социальное, хозяйственное, культурное и нравственное состояние крестьянского населения. Все попытки реконструкции деревенской повседневности были бы тщетны без выяснения места и роли водки в крестьянском быту. Народное воззрение на пьянство кратко можно было сформулировать следующим образом. В деревне осуждали пагубное пристрастие к винопитию, разорявшее хозяйство, подозрительно относились к лицам, ведущим трезвый образ жизни, и благосклонно взирали на пьяный разгул своих односельчан в праздничные дни. Вот как описывал этот народный порок в конце XIX века житель с. Подзовалово Болховского уезда Орловской

губернии Н. Григорьев: «К пьянству отношение снисходительное. Осуждаются только те, кто за водку закладывает домашний скот или одежду. В престольный праздник Успение пьянство начинается сразу же после обедни и продолжается 2-3 дня. Крестьяне небольшими группами ходят друг к другу и везде выпивают водку. Часто в нее для крепости подмешивают нюхательный табак. Многие пьют до тех пор, пока не свалятся».

Праздник в народном восприятии был неразрывно связан с выпивкой. Его ждали, к нему готовились. Сельский праздник всегда был желанен, так как давал возможность прервать однообразную череду сельских будней. Наследие прошлых братин, деревенский праздник был не только отдыхом от тягот ежедневного труда, но и формой консолидации сельского мира. По свидетельству жителя деревни, «побывать на празднике считают долгом. Приготовиться к празднику, как бы это ни было трудно, а надо. Бедный должен купить четверть ведра водки простой и бутылку красной, средний – полведра водки и четверть красной, зажиточный – ведро водки и четверть ведра красной, богатый – 2-3 ведра простой и полведра красной. Это в храмовый праздник и Пасху». Выпивка в праздник – непреложный закон сельского быта, фактически не оставлявший альтернатив. Это был еще один стереотип деревенской жизни, следование которому добивалось силой общественного мнения села.

Одним из показателей состояния проблемы являются данные о потреблении спиртного крестьянским населением. В деревне алкоголь употребляли значительно меньше, чем в городах. В Воронежской губернии (1902) душевое потребление алкоголя в городах исчислялось объемом в 1,16 ведра (8,92 р.), в уездах – 0,41 ведра (3,10 р.).

Можно утверждать, что сельское население вело преимущественно трезвый образ жизни. Доля лиц среди крестьян, имевших пагубное пристрастие к вину, была незначительной. Митрополит Вениамин (Федченков) в своих воспоминаниях о детстве в Тамбовской губернии утверждал, что пьяницы в селе были явлением редким. Большой знаток сельского быта, Н.М. Астырев в 1898 году писал: «Пьяниц в крестьянском мире очень мало, один-два на сотню, наоборот 8 – 10 на сотню найдется совсем не пьющих». В результате обследования 20 селений (20 тыс. душ) Пензенской губернии, проведенного Д.Н. Вороновым в 1912 году, алкоголиков было обнаружено менее 40 человек. Такое положение вещей подтверждается данными тамбовской земской статистики. Количество умерших от пьянства в уездах губернии в период с 1883 по 1905 годы колебалось от 222 до 141 человека в год, так что миф о поголовном пьянстве русской деревни и вечно нетрезвом «Иване» не соответствует исторической действительности.

Крестьяне в своих суждениях справедливо оценивали пагубность пристрастия к винопитию. В русских пословицах четко отразилась зависимость поведения человека от меры употребленного спиртного. «Выпьешь много вина, так убавится ума», «Вино человека сперва веселит, потом безумным творит». Правовед М.И. Зарудный в исследовании о крестьянских судах приводил пример приговора волостного суда. В нем говорилось: «Пьянство суть дьявольское наваждение, чрез него-то все худое происходит, все самые гнусные пороки. Человек, расслабленный пьянством, не имеет той душевной силы, которая вела бы его путем чести, закона и правды. От водки у человека тупеет память, он теряет рассудок и силы до того, что он не имеет ни сил, ни разума располагать своим семейством и хозяйством. Пьяница не может исполнять перед обществом и церковью лежащих на нем христианских и гражданских повинностей». В крестьянском сознании неумеренное потребление вина являлось грехом, пристрастием порочным, поведением, пагубным для человеческой души.

Сельское общество не оставалось безучастным в тех случаях, когда домохозяин пропивал семейное имущество и тем самым разорял хозяйство двора. По сведениям крестьян, «Пьяница, пропивающий имущество, жестоко осуждается. За мотовство и пьянство, когда на это жалуются начальству, – предают волостному суду». Отзываясь о бесхозяйственном мужике, односельчане говорили, что «был прежде хорошим хозяином, стал пить и разорился».

Все дореволюционные исследователи данной проблемы сходились во мнении о том, что сельское пьянство носило обрядовый характер. Автор корреспонденции в «Тамбовских губернских ведомостях» за 1884 год сообщал: «В храмовые праздники в селах идет поголовное, чрезмерное, продолжительное пьянство, сопровождаемое неприличными играми, плясками и всякого рода бесчинствами». В той же газете за 1900 год утверждалось, что «с раннего утра до поздней ночи в дни наших престольных праздников только и видишь на селе толпы пьяных компаний в истерзанном виде, в бесшабашном разгуле».

Деревенские информаторы Этнографического бюро сообщали, что в большие религиозные праздники выпивка в селе – обычное дело. Традиционно «пьяными» днями в селе считались Рождество, Пасха, масленица, престольный праздник. В народе говорили: «Кто празднику рад, тот до свету пьян» или «Без блинов не масленица, а без вина не праздник». «Престольные праздники празднуют так: крестьяне варят пиво (брагу) и покупают водку. Из соседних селений приходят знакомые и родственники, старшие члены семьи обоего пола. К близкой родне ходит и молодежь. Молодые люди напиваться допьяна стесняются. Тот, кто не принимает участие в праздниках, считается скардным». Такое описание было дано С. Кондрашовым, жителем Хохловской волости Елатомского уезда Тамбовской губернии, в корреспонденции от 12 мая 1899 года традиционное восприятие праздника крестьянами хорошо выразил публицист А. Кычигин. Он считал, что «понятие "праздник" в умах народа соединяется с гулянкой, пьянством и разгулом. Праздники в селе сопровождаются пьянством, усиленным сквернословием, часто буйством, дракой».

Без спиртного в селе не обходилось ни одно семейное событие, будь то свадьба, крестины, похороны. Ради экономии крестьяне стремились приурочить свадьбы к храмовому или двенадцатому празднику. Все предсвадебные обряды: сватовство, смотрины, запой и т.д. – сопровождалась обильной выпивкой. Об отце, просватавшего дочь, в деревне говорили, что он пропил девку. В предсвадебный пир – «запой» – невестину родню угощали до хмеля. Величайшей честью для хозяев было то, что гости уходили пьянее пьяного. Сама сельская свадьба редко обходилась без 5 ведер вина и превращалась в трехдневную пьянку.

Пили в селе и на проводах в армию. Молодые люди, уходившие в солдаты, несколько дней подряд собирались друг у друга по очереди, пили водку и развлекались. Иногда такие гулянки заканчивались драками и увечьями. Крестьяне к выходкам «годных» относились снисходительно, считая, что новобранцы имеют право хорошо погулять в последние дни перед службой.

Большинство исследователей русской деревни не без основания обращали внимание на такое явление как пьянство сельского схода. Совместная пьянка на сходе в русской деревне была обыденным явлением. Решение мирских проблем всегда создавало множество поводов для массового пьянства. На сельских сходах пили в случаях избрания на должность, найма пастуха, раздела полей и лугов, сдачи в содержание мостов и кабаков, сдачи в аренду мирских земель, наложения штрафов, учета недоимок.

В понятии крестьян сложилось представление, что быть на сходе и не пить водки – нельзя. Не пить водки кому-либо, участвующему в сходке – значит отделиться от общества, не разделять его взглядов. Справедливую оценку «пьяным» решениям сходов дал писатель Н.М. Астырев. Он, в частности, писал: «Желание выпить миром приводит к тому, что сход делает невероятные вещи: отдает за бесценок мирскую землю, пропивает в виде штрафов чужой стан колес, закабляется за гроши, прощает крупную растрату мошеннику-старосте».

Вино часто играло роль отступного в деревенских спорах и конфликтах. Правый или потерпевший назначал виноватому то количество вина, за которое он соглашался помириться. Женихи соседних деревень выставляли водку местным парубкам за то, чтобы они не препятствовали им гулять с их девушками. В повседневных взаимоотношениях жители деревни использовали спиртное в тех ситуациях, когда денежный расчет в силу сложившихся традиций был невозможен. И в этих случаях водка служила формой благодарности за работу или услугу, играла роль «отступного», являлась средством примирения в сельских ссорах.

Регулярно водку в селе пили единицы – как правило, сапожники, кузнецы, отходники, то есть лица, не связанные с аграрным трудом. Для большинства крестьян употребление алкоголя определялось не склонностью к выпивке, а общественными обычаями. В деревне не пили в будние дни, особенно в страдную пору. Крестьяне практически не пили в постные дни (среду и пятницу), так как это в деревне считалось большим грехом. Посты, особенно Великий и Успенский, соблюдались строго, и мужики в эти дни водки не употребляли.

Употребление алкоголя в русской деревне было неравномерным в течение года, так как зависело от аграрного календаря, времени постов и т.п. В связи с этим интересно наблюдение земского врача В.И. Никольского, который, в частности, писал: «Мужик так же редко видит водку, как и мясо, и так же набрасывается на нее со всей жадностью. Обыкновенный мужик пьет водку, может быть, десять дней в году, но зато уже пьет вволю, допьяна, пропивает такие деньги, на которые он мог бы быть сыт продолжительное время». В этом следует видеть проявление психологии русского мужика. Как надрывался пахарь в поле до разрыва жил, так он и пил вино – на полную катушку, до беспамятства.

Традиции общинного уклада, консерватизм крестьянской жизни, интересы собственного хозяйства – это те факторы, которые удерживали крестьянство от повального пьянства. Пагубному пристрастию в селе были подвержены в основном лица, утратившие связь с аграрным трудом. Социальные катаклизмы начала века, возросшая мобильность сельского населения, модернизация страны в целом вели к ломке традиций крестьянского мира. Рост девиантного поведения крестьян, во всех его проявлениях, стал закономерным следствием утраты привычных жизненных ценностей, увеличения доли маргинальных слоев.

Повседневность включает в себя различные уровни публичности, но есть сфера, которая, являясь неотъемлемой частью обыденности русского села, носит интимный характер. Проблема сексуальных отношений в деревне не получила должного научного освещения. В этой части работы нами предпринята попытка выяснить содержание и формы проявления крестьянской сексуальности, а также факторы, влиявшие на половую жизнь жителей села.

Сближение полов в деревне происходило в рамках традиционных форм сельского досуга. В летнюю пору сельская молодежь собиралась на «улице», где парни и девушки пели любовные песни и вели разговоры. На праздники уходили за околицу, подальше от родительского ока, и там устраивали игры, сопровождавшиеся элементами чувственности (погоней, возней). С наступлением сумерек водили хоровод, во время которого парни брали из круга своих возлюбленных и отводили их в сторону.

После Покрова основным местом встреч деревенских женихов и невест становились посиделки. Девушки в складчину снимали избу, в которой собирались по вечерам якобы для совместной работы. Но, прихваченная из дому прялка, была все же более для родителей, а сама девушка спешила на вечерку совсем для иного. Вот как описывал А.П. Звонков поведение сельской молодежи на посиделках в деревнях Елатомского уезда Тамбовской губернии: «Тихо собираются парни кругом избы и разом врываются потом через двери и окна, тушат свечи и бросаются, кто на кого попало. Писк девушек заглушается хохотом ребят; все заканчивается миром; обиженный пол награждается скудными гостинцами. Девушки садятся за донца, но постоянные объятия и прижимания мешают работе. Завязывается ссора, в результате которой ребята-победители утаскивают девушек кто на полати, кто на двор, кто в сенцы. Игры носят дикий характер, в основе которых лежит половое чувство». Знаток обычного права Е.И. Якушкин сообщал, что «во многих местах на посиделках, беседах и вечеринках по окончании пирушки девушки и парни ложатся спать попарно. Родители смотрят на вечеринки как на дело обыкновенное и выказывают недовольство, только если девушка забеременеет».

При выборе партнера внимание обращали прежде на физические данные, а потом уже на внешнюю привлекательность. Красотой в деревне признавалось: у мужчин – высокий рост, сила, ловкость, кудри, преимущественно белокурые, белое лицо; а у женщин – средний рост, длинные косы, белое и румяное лицо, средняя полнота и вообще правильное физическое развитие.

Большое значение для установления взаимных симпатий имело поведение молодых во время совместного досуга. Ухаживая за девушкой, парень старался в возможно более ярком и привлекательном свете показать свои достоинства. Особенно ценилась сила и ловкость на работе и в играх. Часто деревенский хлопец стремился выказать себя храбрым и бойким на язык в шутках и прибаутках, почти всегда нецензурного содержания и смелым до нахальства в обращении с другими девушками. Задорная девушка, острая на язык и не стесняющаяся в общении с парнями, всегда была в центре внимания местных ухажеров. Пляски под гармонь в селе предоставляли деревенским невестам прекрасную возможность показать себя во всей красе потенциальным женихам.

Страх Божий в русской деревне продолжал оставаться весомой причиной, которая удерживала многих молодых людей от поспешного и опрометчивого шага. Другим мощным регулятором добрачного поведения выступало, как уже было сказано выше, общественное мнение. Так, «губитель» девичьей красоты (невинности) навсегда лишался права жениться на другой девушке. Неодобрительно крестьяне относились к ветреным девицам. Девушку, которая часто меняла парней, в селе называли «заблудшей». Полюбить такую девицу было совестно перед товарищами, а женитьба на такой – это стыд перед родней и позор перед миром.

Негативное влияние на нравственную атмосферу села оказывали отхожие промыслы. Рост числа крестьян-отходников способствовал падению нравственности в деревне. Крестьянка Орловского уезда А. Михеева, сетуя на падение нравов в селе, признавала, что «мужики как поживут на стороне, то по возвращению заводят любовниц. В разврат пускались часто вдовы и замужние женщины, если муж много старше или в долгой отлучке».

В церковном уставе существовал запрет на половые связи под праздники, в посты, во время месячных очищений и т.д. «Сходиться мужу с женой нельзя в великий пост, даже на среду и пятницу. После смерти детей нельзя сходиться до сорокового дня». После родов сожительствовать с женой можно было только через 6 недель (после очистительной молитвы). А на деле половую близость супруг возобновлял через неделю или две-три. Бабу, конечно, никто не спрашивал о ее желании.

Повсеместно сношение с женщиной во время постов считалось грехом. Если у супругов рождался ребенок в первой половине декабря, его называли насмешливо «постником», подчеркивая, что зачатие произошло в Великий пост. Отца такого ребенка священник «усоветил за невоздержанность». От соития в эти дни в деревне воздерживались из-за суеверного страха, что зачатое тогда дитя станет вором, разбойником, больным. По наблюдениям земских врачей, крестьяне в основном соблюдали эти запреты.

Это подтверждается и данными демографической статистики. Д.Н. Жбанков на основе сведений за 1872 – 1881 годы сделал вывод о том, что минимум зачатий приходится на летние месяцы (рабочее время) и март, то есть на период Великого поста. Аналогичное суждение высказал врач В.И. Никольский, изучавший динамику рождений у жителей Тамбовского уезда. Исследователь И.И. Молессон, занимавшийся проблемой рождаемости населения Тамбовской губернии в период с 1898 по 1900 годы, в своей работе писал: «Наименьшее число рождений приходится на декабрь, а затем на апрель. Декабрьские рождения соответствуют мартовским зачатиям, но в марте (Великий пост) совершенно не бывает новых браков, кроме того, истощение во время и тотчас после поста не может, конечно, благоприятствовать обилию зачатий».

Считаем, что есть основания утверждать, что крестьяне в большинстве своем придерживались запретов церковного устава. Если бы это было не так, то в условиях отсутствия средств предохранения (а прерванное сношение рассценивалось церковью как грех) не было бы никакого декабрьского минимума рождений. Некоторые исследователи считают, что приходские священники искажали отчетность, «закрывая» метрические книги ранее конца года, так как переносили часть рождений конца декабря на январь.

Половое поведение крестьянского населения рассматриваемого периода определялось традиционными установками религиозного и бытового характера. Нормой считалась гетерогенная семья и моногамный брак. Внебрачные связи осуждались. В деревне изучаемого периода продолжало существовать понятие святости венца, но в местностях с развитым отхожим промыслом к добрачному сожительству стали относиться терпимо. В условиях отсутствия средств предохранения кривая рождаемости в деревне достаточно объективно отражала периоды, когда крестьяне, согласно требованиям православной церкви, воздерживались от половой близости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская деревня до начала XX века оставалась носителем традиционной культуры. Производство было аграрным, социальная структура – крестьянской, регулирование отношений – обычно-правовым. Основу духовной жизни села составляло православие. Ревностное соблюдение традиций, настороженное отношение к новому отвечали потребностям самосохранения и воспроизводства традиционной системы отношений.

Земледельческий труд имел глубокую этическую основу, которая выражалась в значимости для крестьянина самого производственного процесса. Трудовая повседневность составляла основу жизнедеятельности русского крестьянства. Традиции земледельческой культуры являлись результатом многовекового опыта взаимодействия крестьянина с окружающей средой, приспособления пахаря к погодным условиям и качеству почв. Выбор возделываемых культур зависел от природно-климатических условий и хозяйственных потребностей крестьянского двора. Увеличение производства технических культур было следствием рыночной конъюнктуры, ставшей важным фактором развития крестьянского производства. Рост доходности крестьянского производства достигался посредством адаптации традиционных основ земледелия к новым условиям хозяйствования.

Используемые крестьянами орудия труда и приемы обработки земли позволяли придерживаться наиболее оптимальной модели хозяйственного поведения, возможной в условиях экстенсивного производства. Общинная система землепользования диктовала жесткие требования в севообороте и сроках проведения агротехнических работ, в то же время не регламентировала повседневную трудовую практику крестьян. Она являлась сферой приложения производственных усилий хозяйствующей семьи.

Мотивация трудовой деятельности крестьянства выражалась в обеспечении потребностей хозяйствующей семьи. Традиции повседневного труда земледельца были направлены на минимизацию производственного риска. Агротехнические новации рождались как на основе индивидуального опыта земледельцев, так и посредством заимствования образцов хозяйствования лучших помещичьих хозяйств. Преобразуя их в традицию, община создавала условия для их распространения.

Распределительный механизм земельный переделов, достигнув своего совершенства, в условиях аграрного перенаселения уже не мог реализовывать принцип равного доступа к земле. В обыденной жизни села роль социального компенсатора выполняли различные формы общинной взаимопомощи. Преодоление повседневных конфликтов в крестьянской среде достигалось путем принятия солидарных решений. Всякое давление на крестьянский «мир» извне неизменно вело к его консолидации.

Сельское самоуправление регулировало вопросы повседневной жизни деревни. Отношение крестьян к местной власти определялось ее действенностью. Личные качества и практические дела являлись для местных жителей главными критериями в оценке повседневной деятельности представителей власти как выборной, так и государственной. Система государственной опеки в лице земских начальников имела в целом позитивное значение. Совмещение участковым земским начальником административных и судебных функций было объективно оправдано и соответствовало общественным взглядам жителей села. Падение авторитета монаршей власти в глазах крестьян стало следствием нерешенности аграрного вопроса и несоответствия личности последнего императора традиционному образу «царя-батюшки».

Различные отношения, возникавшие в повседневной жизни русского села, регулировались нормами обычного права. Расхождение их с официальным законом в оценке преступлений было обусловлено спецификой общественного уклада села. Цель крестьянского правосудия состояла как в защите интересов общины в целом, так и в разрешении повседневных конфликтов между ее членами. Разбирательства носили преимущественно примирительный характер, что позволяло оперативно разрешать правовые коллизии и сохранять общинную солидарность.

Деятельность волостных судов способствовала сближению двух правовых культур: крестьянской и официальной. Рост числа крестьянских обращений в волостные суды, и в первую очередь с целью защиты чести и достоинства, свидетельствовал о развитии правовой культуры русского села. Обычное право русской деревни не оставалось неизменным и эволюционировало посредством утраты отдельных правовых норм, не отвечающих потребностям времени.

Содержание семейной повседневности определялось существовавшей иерархией и половозрастным разделением труда. Воспитание детей в крестьянской семье заключалось в приобщении к православию, передаче социального опыта, выработке хозяйственных навыков, формировании поведенческих стереотипов. Демографическое поведение русских крестьян определялось как требованиями православной веры, так и особенностями аграрного производства. Условия крестьянского труда и быта вкупе с нормами церковного устава делали расторжение брака практически невозможным. Падение нравов как следствие кризиса патриархального общества и секуляризации общественного сознания негативно отразились на институте сельского брака.

Повседневный рацион крестьянской семьи не отличался разнообразием. Питание являлось, пожалуй, одной из наиболее консервативных сфер семейного быта. Крестьяне строго придерживались пищевых ограничений в постные дни. Набор потребляемых продуктов в сельских семьях был примерно одинаковым. Объем домашней трапезы определялся имущественным положением семьи.

Под воздействием урбанизации менялось убранство крестьянской избы, все большее распространение в семейном обиходе получали покупные вещи, улучшалась санитарно-гигиеническая обстановка жилища. В крестьянском быту наряду с традиционным домотканым платьем все большее значение приобретает одежда фабричного производства.

Православие составляло основу крестьянского бытия, и сельская повседневность буквально пронизана содержанием христианской веры. Слабое знание крестьянами православной догматики, приверженность жителей села обрядовой стороне веры не противоречили способности к глубокому духовному познанию Божественного откровения. Многообразные проявления христианского милосердия жителей села в повседневной жизни убеждают в отнюдь не формальном характере крестьянской веры.

Научное осмысление крестьянской повседневности находится только в начале своего пути. Предстоит еще долгая и кропотливая работа, чтобы познать и понять будни крестьянского мира ушедшей эпохи.

ГЛОССАРИЙ

Армяк – крестьянская верхняя распашная одежда из грубой шерстяной ткани, которую татаро-монголы называли «армягина».

Аршин – мера длины, равная 71,12 см, употреблявшаяся в России с конца XV в. для измерения тканей.

Бобыль – обедневший феодально-зависимый человек, который не нес в пользу государства тягла. Бобыли занимались земледелием, мелкой торговлей, иногда работали по найму. Своему владельцу бобыльщики выплачивали оброк. В просторечии бобыль отождествлялся с одиноком, нищим, бездомным человеком.

Борона – сельскохозяйственное орудие, применяемое для рыхления почвы. Первоначально борона представляла собой часть ствола ели с обрубленными под углом сучьями. Позже борона представляла собой раму, к которой с помощью лыка прикреплялись зубья-колышки, впоследствии замененные на металлические зубья или диски.

Бортъ – дупло или выдолбленное дерево, где живут пчелы. В связи с расширением земляных запасов и вырубкой лесов бортничество уступило место пасечному пчеловодству, где пчелы содержатся в искусственных жилищах – ульях.

Братнина – праздник, пиршество, проводимое за общий счет (складчина). Такие праздники в Древней Руси устраивали деревенское общество, ремесленные и купеческие братства (союзы). На таких сборищах нередко решались некоторые общественные дела, право же этих собраний часто охранялось законом. Пришедших незванно, то есть незваных гостей, члены братнины имели право выгонять (выбивать).

Братчиной называли и пиршество, проводимое по случаю церковных праздников.

Вено – продажа, выкупная плата, вносимая женихом родителям невесты (иногда – общине). Уплачивалась как при умыкании, то есть краже, так и при покупке невесты. С эволюцией семейных отношений вено постепенно превратилось в символический обряд, а сам термин стал применяться в значении «приданое».

Вервь (от «вервь» – веревка) – участок земли, отмеренный веревкой, община. Этот обычай базировался на кровно-родственной основе. В дальнейшем под влиянием различных социально-экономических условий произошла эволюция верви. Так, из Русской Правды уже видно, что вервь представляет собой сельскую общину, освобожденную от кровно-родственных связей. Члены верви были связаны круговой порукой, должны были отвечать за убийство человека, если тело убитого было обнаружено на земле верви. Вервь – община обязана была выполнять и ряд других функций, налагаемых на нее со стороны властей.

Верста – мера длины чуть более 1 км. Существовала так называемая межевая верста. Эта мера длины применялась при определении расстояний между населенными пунктами России.

Власяница – рубашка, сплетенная из конского волоса. Надевалась на голое тело, под платье с целью «умерщвления плоти». Чаще всего власяницу носили люди, принадлежащие к монашескому сану.

Волок – место наибольшего сближения двух судоходных рек, по которому перевозили (перетаскивали) по суше суда и грузы с одной реки на другую. Перевозка производилась при помощи деревянных катков – больших деревянных колес – с помощью лошадей, быков, а нередко и мускульной силы человека. На месте наиболее оживленных волоков возникли поселения, некоторые со временем превратились в города; например, Волоколамск, Вышний Волочек и др.

Волокуша – примитивная бесколесная повозка, представляющая собой своеобразные сани. Волокуша состояла из двух жердей, передние концы которых служили для впрягания (привязывания) лошади, быка или собаки. Волокушу нередко тащили и люди. Задние концы жердей были чуть изогнуты и представляли собой как бы полозья саней. Поперечно набитые дощечки или привязанные жерди составляли поверхность волокуши, куда и помещался передвигаемый (волочимый) груз. Волокушу успешно применяли на болотах, на крутых склонах для вывозки сена, бревен и т.п. Особо распространена была волокуша на Севере, в Вологодской, Архангельской губерниях и во многих районах Сибири в условиях бездорожья.

Волость – административно-территориальная единица, применяемая в России с XI в. по 1930 г., позже уездно-волостная система была заменена на районную. В XIII – XV вв. волостное деление распространялось на так называемые черные (государственные, дворцовые, боярские, монастырские) земли. Волости предоставлялись князьям в «кормление». В XVII в. в связи с учреждением городских воевод волость потеряла значение самостоятельной административной единицы, но в XVIII в. были учреждены волостные правления.

После февральской буржуазной революции 1917 г. волость стала формально единицей всесословного «самоуправления»; после Великой Октябрьской революции, когда вся земля была передана крестьянам, волость раздробилась. В 1923 г. началось укрупнение волостей, и в 1928 – 1930 гг. волостная система была заменена на районную.

Вотчина – термин «вотчина» произошел от слова «отчина», то есть отцовское право – собственность, наследственное владение: луга, пашни, леса, а также разнообразные строения, животные и инвентарь, плюс к этому – право на феодально-зависимых крестьян. Первые сведения о вотчинах на Руси относятся к X в., они подразделялись на: великокняжеские, княжеские, чуть позже на удельно-княжеские, боярские, монастырские. Количество и размеры вотчин увеличивались за счет захвата общинных крестьянских земель, пожалований, купли, обмена, дарений и т.п.

Начиная с конца XV в., в связи с началом образования единого русского государства и развязанной в связи с этим отчаянной борьбой ряда удельных князей и части родовитого боярства, крупные вотчинники были лишены своих владений, а их земли переданы представителям дворянства, в лице которого великокняжеская власть имела опору.

В XVI в. вотчинники были приравнены к дворянству в отношении несения военной службы, было резко ограничено и право родового выкупа вотчины.

Начиная с конца XVI в., в России преобладающей формой феодального землевладения становится поместье.

Вывоз крестьянский (вывод крестьянский) – то есть перевоз (увод) крестьянина от одного феодала к другому. Судебники 1497 и 1550 гг. разрешали крестьянам переходить от одного феодала к другому в Юрьев день (2-я неделя ноября). В связи с обострением борьбы феодалов за сохранение рабочей силы вывод крестьян ограничивался, и тогда их стали увозить силком. Русское правительство в борьбе с насильственными увозами крестьян Соборным уложением от 1649 г. установило бессрочный сыск по делам вывезенных и беглых крестьян.

Выход крестьянский – право перехода крестьян в XI – XVII вв. от одного феодала к другому, однако это право имели не все категории крестьянства. Так, был сильно ограничен выход для закупов, серебряников и др. Начало юридического оформления крепостного права в общегосударственном масштабе положил Судебник 1497 г., установивший единый срок в году для «выхода» крестьян за неделю до Юрьева дня и неделю после него с обязательной выплатой феодалу-землевладельцу так называемого пожилого. Тяжелая обстановка в результате Ливонской войны (1558 – 1583 гг.) заставила правительство Ивана IV Грозного ввести «заповедные лета», то есть запретить на некоторое время крестьянский выход. Соборное уложение 1649 г. полностью отменило выход крестьян.

Говение – один из обрядов православной церкви, смысл которого состоит в подготовке верующих к таинствам причастия и исповеди (покаяния). В период говения помимо запрета принятия в пищу определенных продуктов запрещались и супружеские (интимные) отношения.

Говядо – так именовали некоторые виды рогатого скота: волов, коров, отсюда их мясо называли говядиной.

Гоголь – один из видов утки. Самец имеет очень яркий наряд, отсюда в разговорной речи выражение «ходит гоголем», то есть держится и одевается ярко, пестро, радостно.

Голова – а) должностное лицо в России в XVI–XVII вв. Среди военных должностей были: сотенный голова – начальник сотни в дворянском ополчении; стрелецкий голова – начальник стрелецкого приказа; казачий голова (атаман); пушкарский голова – начальник городской артиллерии; осадный голова (подготавливал город к осаде – обороне); станичный (сторожевой) голова – начальник пограничного отряда; стоялый голова на поле – начальник сторожевой службы на окраинах государства и т.п.

Среди административно-финансовых должностей были: житничий голова – человек, ведавший сбором хлеба, шедшего на жалование ратным людям; объезжий голова – блюститель порядка в городе; письменный голова – начальник канцелярии воеводы; соленая голова ведал (руководил) казенной добычей соли; таможенный и кабацкий головы ведали сбором пошлин. С 1785 г. в России появилась должность городской головы, впоследствии их стали именовать городничими; б) так называли на Руси убитого, отсюда убийцу именовали головником; в) руководитель, начальник.

Горбуша – коса с короткой криволинейной рукоятью, что позволяло косить ею одновременно в обе стороны и производить выкос травы среди кустарника и деревьев.

Горница – одно из парадных (центральных) помещений в жилище, в домах, принадлежавших зажиточному слою русского крестьянства. Там не было палатей, и печь обязательно имела трубу.

Дворовые люди – а) наименование придворных великих и удельных князей; в число дворовых входили также бояре, окольный и др.; б) категория крепостного населения с конца XVII в. до 1861 г., то есть до отмены крепостного права. Эта категория людей не имела земельного надела и занималась в основном обслуживанием и развлечением господской (барской) семьи.

Дворцовые крестьяне – феодально-зависимые крестьяне, принадлежащие великому князю, позже царю, а также членам царской фамилии. Основной обязанностью этих крестьян было обеспечение продовольственными товарами княжеского (царского) двора. В конце XV – XVI вв. численность дворцовых крестьян резко увеличилась, так как в это время шел процесс образования и укрепления централизованного государства. В конце XVI в., в связи с развитием поместной системы, дворцовых крестьян стали раздавать служилым дворянам в качестве вознаграждения.

Дворяне – а) низшая прослойка феодально-военного сословия, составлявшая двор крупного боярина, князя, возникшая в XII–XIII вв. В отличие от слуг зависимых, занятых в хозяйстве своего феодала, дворяне именовались «вольными слугами»; б) сословие светских землевладельцев, обладающих наследственными привилегиями; вместе с духовенством составляли господствующий класс в феодальном обществе. Начиная с XVI в. дворянин за службу получал землю – это был зародыш будущего поместья. Заинтересованное в прекращении произвола бояр, феодальных междоусобиц и в усилении великокняжеской власти дворянство поддерживало и всячески способствовало процессу объединения русских земель в единое централизованное государство, за что со стороны великого князя получало все новые и новые наделы.

XVI век был ознаменован усилением дворянства, сближением вотчинного и поместного землевладения, одновременно оформлялись политические права дворянства, его участие в государственном управлении. Дворянство организуется в качестве особого чина в составе Земского собора и возглавляет местное управление.

Дворянство личное – Табелью о рангах Петра I от 1722 г. была определена бюрократическая иерархия чинов в армии, флоте, гражданской администрации; было введено 14 классов (классы – чины, высший был первый). Дворянство личное не давало права передавать дворянское звание по наследству.

Дворянство потомственное – давало право передавать дворянское звание по наследству.

Деревня (вероятно, от древнерусского «деру», «драть»), то есть расчищать землю от леса, распахать целинные земли). В узком, исторически сложившемся значении термина – это небольшое земледельческое поселение, один из видов сельских населенных пунктов. Название «деревня» появилось в XIV в. Деревни подразделялись на: великокняжеские, княжеские, боярские, вотчинные, дворцовые, митрополитчьи; монастырские и т.п., в зависимости от их владельца.

Домовой – в религиозных верованиях славян и ряда других народов дух, обитавший в доме. Образ домового возник из пережитков первобытного семейно-родового культа. На Руси домового нередко именовали «дедко», «хозяин», «доможил», «суседко» и т.д. (у белорусов – «хатник», у украинцев – «хатный дидко»). Домовой якобы не только охранял дом, но и наказывал живущих в нем, если они нарушали обычаи. С домовым связаны и некоторые обряды. Так, его кормили (подкармливали), оставляя еду на ночь.

Жито – любой зерновой, немолотый хлеб: рожь, пшено, ячмень, овес.

Завалинка – один из строительных приемов для утепления подпола у зданий. Завалинку чаще всего делали из земли со всех сторон дома.

Закупы – категория зависимого населения. Имеется несколько толкований этого термина: а) наемный работник, то есть человек, получавший от феодала орудие производства, за что должен был работать на его поле, при наличии своего хозяйства; б) кабальный закуп – человек, взявший купу (деньги или товар в долг). При условии отработки полученной ссуды он вновь становится свободным. В отличие от холопа закуп нельзя было убить, он мог обратиться в суд на хозяина. В раба хозяин мог обратить закуп лишь в случае его побега.

Залежь – пашня, которая длительное время не обрабатывалась. Кратковременная, до 15 лет, залежь в лесостепной зоне называется залогом, а в степной – перелогом.

Земли черные – земля, которая не принадлежала ни феодалам, ни церкви. Крестьяне, работавшие на ней, выплачивали налога лишь в пользу государства и назывались черносошными.

Испольщина – вид земельной аренды, при которой половина собранного урожая отдавалась собственнику земли.

Кабальные холопы – одна из разновидностей холопства, появившаяся в XV в. и получившая в XVI – XVIII вв. наибольшее распространение. Кабальное холопство возникло как результат денежного займа, за проценты с которого взявшие в долг – кабальные холопы – работали на кредитора до полной выплаты долга в его хозяйстве. В случае выплаты долга кабальный холоп мог получить полную свободу, это и отличало его от других разрядов холопства. Быстрое увеличение числа кабальных холопов к XVI в. заставило правительство частично ограничить его источники, а с конца века значительно пересмотреть юридическое положение о кабальных холопах в сторону смягчения.

Квас – один из самых популярных освежающих напитков, известен со времен Киевской Руси. Изготавливался квас из солода (ржаного и ячменного), ржаной муки, сахара (меда) и мяты. Помимо хлебного кваса известны и плодово-ягодные: яблочный, грушевый, клюквенный и др.

Кичига – палка с плоским расширением на одном конце в виде узкой лопаточки. Кичига употреблялась для полскания белья зимой в проруби, а также для выколачивания (выжимания) мокрого белья. Некоторые специалисты считают, что этот вид орудия применялся при молотье зерновых злаков, если зерна требовалось небольшое количество.

Клеть – а) сруб, простейшая деревянная конструкция, образованная положенными друг на друга венцами из бревен. Клеть широко применялась на Руси в деревянном строительстве; б) клетью называли также неотопливаемую часть избы – «холодная клеть»; особое помещение при избе.

Конюший – один из придворных чинов; в XI–XII вв. на Руси был чин «княжеский тиун». С XV в. конюший – начальник Конюшенного приказа, в ведении которого были царские (княжеские) табуны и конюхи, ведавшие содержанием царских табунов. Конюший отвечал за организацию конных полков дворцового войска. Титул конюшего присваивался многим дипломатам или людям, возглавляющим Боярскую думу. Так, Борис Годунов в правление царя Федора Иоанновича имел чин конюшего.

Крестный отец и крестная мать (восприемники) – мужчина и женщина, обычно из родственников или близких знакомых, которые при совершении обряда крещения новорожденного в православной церкви ручаются за его веру. Крестные должны быть совершеннолетними, но это часто нарушалось.

Кушак – широкий пояс для подпоясывания верхней одежды.

Литургия (от греч. учение) – главное богослужение в христианской церкви, обедня – в православной, месса – в католической, лютеранской. Во время литургии совершается таинство причащения.

Локоть – мера длины, известна по письменным источникам XI в. Длина локтя соответствовала длине локтевой кости – примерно 455 – 475 мм. В народе локоть соответствовал длине от кончика среднего пальца до локтя. С XVI в. локоть был вытеснен аршином.

Лохань – небольшая деревянная емкость круглой или овальной формы, чаще с невысокими краями, для мытья посуды, стирки белья и т.п.

Межа – граница земельных владений в виде узкой полосы необрабатываемой земли между полями, обычно заросшая сорняком-межником, отсюда и название. Межа появилась в ходе деления земель (межевания). Иногда устанавливали так называемые межевые знаки (граничные знаки), чаще всего в виде колышков с нанесенными на них пометками.

Мошна – а) кошелек, сумка, денежный мешок; б) богатство, деньги.

Овин – одна из подсобных хозяйственных построек (помещений), в которой на жердях, укрепленных под потолком, подвешивались снопы хлеба, конопля, льна с целью их просушки перед тем, как начать обмолот. Просушивание производилось теплым воздухом, исходящим от печи (реже костра), расположенной в нижнем помещении. Если была печь, то был и пол, если пола не было, то на земле разводили костер.

Огнищанин (от слова «огнище» – очаг, двор) – по «Русской Правде» огнищанин именуется княжеским мужем (то есть слуга князя), отвечающим за сохранность имущества своего господина. О его значимости говорит тот факт, что за убийство огнищанина выплачивался штраф в 80 гривен серебра, а за слугу или холопа брали 5 гривен.

Отходничество – временный уход крестьян из деревни на заработки на сезонные работы в другие местности.

Охабень – широкая верхняя одежда прямого покроя с четырехугольным откидным воротником. Под длинными рукавами имелись прорезы (прорехи), сквозь которые продевали (выпроставали) руки.

Охлупень – бревно с выдолбленным желобом, с помощью которого прижимались доски или дрань конька (верха) кровли (крыши) < Охлупень укладывался комлем (толстой частью) к фасаду и чуть выдвигался вперед. Этому концу часто придавали форму головы коня, отсюда и выражение «конек крыши», или птицы (голубя).

Перстень – большое массивное кольцо, надеваемое на палец (перст). В Древней Руси носили золотые и серебряные перстни с изображением, гравировкой, а медные – с геометрическим узором. Начиная с XIV в. перстни стали украшать драгоценными и полудрагоценными камнями. Перстни с гладким рисунком называют печатками.

Перуница (перунов цветок – богаца) – обычай древних славян посвящать своему главному богу некоторые растения. Они даже его святилищам придавали форму многолепестковых цветов. Так, ромашку и полевую гвоздику называли перуновыми цветами.

Подклеть – нижний этаж деревянного или каменного дома. Подклеть служила кладовой, реже для зимнего содержания скота. До XVII в. подклети часто строили из дерева, а позже из камня, при этом 2-й и 3-й этажи были деревянными. Начиная с XIV в. подклети иногда сооружались у церквей, соборов, где, помимо хранения непосредственно церковного имущества, за определенную плату хранили и товары частных лиц. Церковные подклети нередко использовались и для размещения там усыпальниц. Иногда в подклетях располагались так называемые теплые церкви, то есть функционирующие в наиболее холодные месяцы года. Это было тогда, когда основные церковные помещения не имели отопительной системы, и служба там проводилась лишь в летний период.

Половники (испольщина) – одна из форм феодальной зависимости населения в XIV – первой половине XVII вв. Половниками становились в основном малоземельные крестьяне-общинники, а также отпущенные на волю холопы и обедневшие граждане. Получая землю или ссуду, они должны были отдавать от 1/3 до 2/3 урожая и исполнять различные строительные и полевые работы.

Полть – половина мясной туши, разрубленная вдоль по хребту.

Полушка – мелкая разменная русская монета, появившаяся в XV в. и чеканившаяся из серебра. С 1534 г. полушка была самой мелкой монетой и равнялась 1/4 копейки (содержала 0,17 г. серебра). С 1700 по 1867 гг. полушка чеканилась из меди. С 1807 по 1916 г. эта монета чеканилась с надписью «1/4 копейки».

Поместье – в широком значении – комплекс феодальной земельной собственности и связанных с ней прав на феодально-зависимых крестьян, то есть синоним вотчины; в более узком смысле являлось доменом, то есть господской землей, и обрабатывалось барщинным трудом крепостных крестьян. Производное от поместья – помещик.

Пономарь (от греч. – церковный служитель, сторож) – низший церковный служитель в православной церкви, обязанный звонить в колокола, петь на клиросе и прислуживать при богослужении.

Поприще – мера длины (расстояние), равнявшаяся чуть больше 20 верстам (верста = 1,0668 км.). В свою очередь верста состояла из 500 саженой. Поприще равнялось примерно расстоянию одного дневного перехода. В переносном значении поприще означает поле деятельности.

Портно – материал (холст), сотканный из грубой пряжи, пеньковой или льняной.

Порты – до XV в. означали вообще одежду, а позже это наименование стало применяться в более узком смысле, так называли лишь один вид одежды – штаны.

Поршни – обувь либо в виде лаптей, сплетенных из кожаных ремешков, либо в виде тапочек, выкроенных из одного куска сыромятной кожи, присборенной (стянутой) у щиколотки ноги.

Посошная рать – рекруты-крестьяне в XVI–XVII вв., набравшиеся в армию, где служили в пехоте или во вспомогательных частях.

Посошные люди – рекруты, набираемые среди крестьян с различных категорий земли, с сохи. Посошных людей собирали по указу; так, в грамоте 1547 г. говорится, что для Казанского похода собирали по селам и деревням по два человека с сохи, а в слободах – по одному человеку с десяти дворов. Иногда посошных людей в XVI в. привлекали и в мирное время на ремонтные и строительные работы.

Посох – а) большая длинная палка, трость, клюка, игравшая роль костыля; б) жезл как знак власти, например архиерейский посох. Иногда посохи имели острый железный наконечник. Царские посохи и посохи высшего духовенства богато украшались слоновой костью, золотом, серебром и драгоценными камнями.

Посла – гороховый отвар для поила овец.

Посуда – обиходные сосуды для хранения, варки и принятия пищи; посуда подразделялась по назначению: кухонная, столовая, хозяйственная; по материалу, из которого она выполнена: деревянная, керамическая, берестяная, плетеная, металлическая, кожаная. К наиболее ходовой посуде, бытовавшей на Руси, относятся: блюдо, бочка, братина, викня (сосуд для вина), гolvата (сосуд для определения количества соли, мера), горшок, корчага (глиняный сосуд), деша, дельва (род бочки), кадь (большая деревянная бочка), ковкаль (деревянная чаша), ковш, корью (деревянный ковш), корыто, котль (котел), кошь (плетеная посуда), кринка, крьчава, куб (большой чан), кьбель (мерный сосуд), латка, ложка, лукно (мерные плетеные емкости), меденица (металлический сосуд), миса, ношва (неглубокое корытце), окове (большая мера объема, обработанная снаружи обручами), плоска (плошка), половник, сковорода, скудель (глиняный сосуд), со-лимо (солонка, судок), уборь (мера пшеница), упомальник (умывальник), цебрь (мера зерна), чара, чаша, чарка, черпало (большой половник), чьбан (жбан).

Потуги – все податные и мирские платежи, службы и трудовые повинности крестьян России.

Починки – первый крестьянский дом с прочими хозяйственными постройками в заново строящейся деревне.

Пустоши – заброшенные, невозделываемые земли, образовавшиеся преимущественно на месте лесов после вырубок или пожаров.

Радимичи – наименование населения, входившего в союз восточно-славянских племен, обитавших в междуречье верхнего течения Днепра и Десны. Около 885 г. радимичи вошли в состав Древнерусского государства, а в VII в. они освоили большую часть Черниговской и южную часть Смоленской земель.

Разореть – распахать.

Рало – примитивное сельскохозяйственное орудие, применяемое для пахоты. По своей конструкции близко к плугу.

Рогатина – охотничье или боевое оружие пехоты в виде копья с длинным широким лезвием. У некоторых видов рогатин ниже лезвия были одно, чаще два поперечных рожка (шила) в виде серпа.

Рожок – один из древнейших духовых мундштучных музыкальных инструментов. Материалом для рожка служили рог быка, дерево, древесная кора, кость, металл. Рожок применялся главным образом в пастушеском и охотничьем деле, но широко применялся также в армии, и на почте, где играл роль сигнального инструмента.

Розвальни – крестьянские сани.

Рубль – денежная единица. Слово «рубль» возникло в XIII в. в Новгороде, где им именовали половину разрубленной надвое гривны, представлявшей собой слиток серебра весом около 200 г. Будучи разменным на монеты, рубль был способен удовлетворять мелкие платежи. Однако постепенно уменьшающийся вес монеты пошатнул устойчивость его как весовой денежной единицы. Рубль перестал быть слитком и в сфере денежного обращения остался счетным понятием. С образованием единой монетной системы в 1534 г. рубль стал равняться определенному количеству монет – 200 деньгам или 100 копейкам.

Рыбий зуб – бивни (клыки) моржа. На Руси до XVII в. рыбьим зубом называли бивни слона (изделия из слоновой кости).

Ряд – а) распоряжение как действие власти (указ, наказ, приказ, приговор); б) договор; в) завещание (предсмертный ряд).

Рядович (рядовиц) – зависимый человек, вошедший в состав челяди по договору (ряд). Рядовичи могли быть и помощниками княжеских тиунов.

Сажень – мера длины, впервые упоминается в исторических источниках в начале XI в. Размер сажени устанавливался по длине размаха рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. Отсюда длина колебалась от 152 до 176 см. Это так называемая прямая сажень, косая же определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали, размер ее колебался от 216 до 248 см.

Указом от 1835 г. размер сажени определялся в 7 английских футов, или 84 дюйма, что соответствовало 3 аршинам, или 48 вершкам, и равнялось 213,36 см.

Саш – отдельно поставленная постройка (сооружение) на столбах или подклети, входившая в ансамбль княжеского двора. Обычно сени были связаны с теремом висячим переходом. Помещение сеней не имело печей и использовалось для проведения пиров, приемов. Наличие сеней отличало в старину княжеские хоромы.

Серп – одно из основных ручных орудий, применявшееся для уборки (скашивания) хлебов. Серп имел форму длинного изогнутого мелкозубчатого ножа.

Сеча – а) битва, сражение; б) вырубки – место вырубленного леса.

Сироты – одно из названий части населения. С XI по XIV вв. сиротами называли крестьян-общинников княжеских вотчин, не потерявших личной свободы. В XVI в. сиротами называли посадских людей, стрельцов и солдатских детей и жен.

Скирда – плотно сложенная для длительного хранения под открытым небом масса сена или соломы. Сено (солому) в скирды закладывают в готовом, то есть в высушенном виде. В отличие от копны и стога скирда имеет большие размеры: длина от 8 до 25 м., ширина до 4,5 м., а высота – 6...7 м.

Скоморохи (певцы, акробаты, кукольники, сказители, острословы, музыканты, гимнасты, дрессировщики) – странствующие актеры в Древнерусском государстве. Возникло скоморошество в XI в. и особенное распространение получило в XV – XVII вв. Нередко скоморохи принимали активное участие в различных народных выступлениях против феодального гнета и церкви, за что подвергались гонениям.

Скоро – мех, шкура, отсюда человек, работающий со шкурками, назывался скорняком.

Славония – так называл реку Волгу Ибн-Хордадбе в своем описании русских купцов. Другой арабский писатель Ахмед Ибн-Фадлан называл Волгу Итиль.

Слега (слеги) – жерди, укладываемые поперек стропил, основной конструкции крыши. Слегами называли и жерди, что-либо перекрывающие.

Сноп – связка стеблей сельскохозяйственных зерновых растений. Диаметр снопа не превышает 30...35 см. Помимо зерновых типа пшеницы, ржи и т.д. в снопы вяжут лен, фасоль, рис и др.

Сокольничий – придворный чин в XIV – XVII вв., заведовал организацией княжеской охоты.

Солод – вещество, полученное из проросших хлебных злаков, для приготовления пива и других напитков.

Сорокоуст – ежедневное церковное поминание умершего в течение сорока дней с момента смерти. Отсюда «сорочины» – сорок дней после смерти.

Сорочинская каша – рисовая каша. Наименование «сорочинская» произошло от слова «сарацин» – мусульманин, так как рис привозили из стран, где в основном была мусульманская религия.

Сотник – а) младший офицерский чин, особенно был распространен в казачьих войсках; б) выборный управитель крестьянской сотни (сотский). Отсюда: «сотни купеческие» – средневековые корпоративные организации русского купечества с XII по XVIII вв., например, «Ивановское сто» в Новгороде, «Сурожане» в Москве (суконники); к общегосударственным корпорациям принадлежали гостинная сотня, суконная сотня.

Соха – а) сельскохозяйственное пахотное орудие. Первоначально она целиком изготавливалась из дерева, позже ее снабдили железными сошниками. Чаще всего соха имела два зуба с наконечниками, но было и три. От плуга соха отличается тем, что с ее помощью лишь вспарывают землю, а не подрезают и переворачивают пласт, как это делает плуг. Отсюда производительность и качество земледелия у сохи низкие; б) единица податного обложения, с которой собирался государственный поземельный налог – пососное.

Сродник – родственник по крови, в отличие от родственников по линии жены.

Сруб – остов деревянного строения из бревен (дома, погреба, сарая, колодца и т.д.).

Срядя – праздничная одежда. В древнерусском свадебном обряде существовал обычай «казать срядю», когда невеста представлялась жениху в праздничном наряде.

Старожильцы – категория крестьян. Они являлись исконными тяглыми крестьянами, проживающими на определенных земельных участках. В XV в. старожильцы имели право свободного перехода от одного господина к другому, но Судебник 1497 г. лишил их этого права.

Староста – должностное лицо, представитель низшей княжеской администрации. Чаще всего старосту выбирали из холопов. За убийство старосты взыскивался штраф в 12 гривен, это гораздо больше чем за смерда, рядовича, холопа.

Сторожа – а) в X – XV вв. конные разведывательные отряды в русской войске; б) в XV – XVII вв. небольшие конные посты на засечной черте (границе). Сторожа обычно действовали с ранней весны до глубокой осени, то есть в период наиболее вероятных нападений со стороны татар.

Страда – тяжелая полевая работа, пора уборки урожая.

Страдники (страдные люди) – холопы, посаженные на землю и обязанные обрабатывать барскую пашню в XIV – XVI вв. Страдники получали от землевладельца также рабочий скот, семена и инвентарь.

Стрибог – один из основных славянских языческих богов. Бог бури, непогоды. Автор «Слова о полку Игореве» ветры называет стрибожьими внуками.

Струг – небольшое плоскодонное, парусно-гребное речное судно. В XI – XVIII вв. использовалось в основном для перевозки грузов. Иногда на струге устраивали небольшие каюты, так называемые чердаки.

Сухотная болезнь (чахотка) – хроническое заболевание легких, туберкулез.

Схима – высшая монашеская степень, требующая от посвящаемого в нее выполнения суровых аскетических правил. Схимники носили особого покроя одежду только черного цвета, расшитую изображениями креста. Нередко схиму принимали умирающие, тем самым приближаясь к монашеству и богу.

Сыродяды – так называли кочевников из-за употребления ими в пищу вяленого мяса.

Сябр (сябер) – товарищ, соучастник, артельщик.

Терем – а) жилая постройка, поставленная на подклеть, иногда ее сооружали над воротами, соединяя с хоромами переходами; б) верхний жилой ярус хором, помещающийся чаще всего над сенями. У терема, как правило, крыша имела шатровую форму.

Тиун (слуга) – в XI – XIII вв. в Древней Руси слово «тиун» обозначало группу привилегированных слуг князя или боярина, так как они непосредственно участвовали в управлении феодальным хозяйством. В XVI–XVII вв. некоторые великокняжеские тиуны управляли отдельными волостями и городами, а тиуны архиереев наблюдали за исполнением обязанностей церковными служителями.

Торг – базар, рынок, место купли-продажи.

Тризна (поминки) – часть погребального обряда у древних славян. Первоначально тризна состояла из жертвоприношений, военных игр (состязаний), песнопения, плясок и пира как до сожжения тела, так и после. Позже на тризне устраивали лишь поминальный пир.

Троица – обозначение бога в христианской теологии. Считалось, что бог един по своей сущности, но существует как три личности («лица», «ипостаси»): бог-отец, бог-сын и бог-дух святой; все лица троицы равносущны (между ними нет элемента подчинения) и извечны; б) троица, или пятидесятница, один из основных христианских праздников в честь мифического сошествия «святого духа» на апостолов. Приходится он на 50-й день после пасхи (обычно конец мая – начало июня). Второй день после троицы назван духовным днем. В этот день поминают умерших, украшают жилища березовыми ветками, пол церкви устилают полевыми цветами.

Трудник – а) постоянный или временный работник в монастыре. Человек, работающий там из религиозных чувств; б) инок (монах), взявший на себя подвижнический обет (обязательство) молчать, гштаться лишь хлебом с водой, не выходить из землянки, не видеть женщин и т.д.

Тупица – а) деревянная лопата, окованная по краям железом; б) топор «колун», используемый для колки дров.

Тюфяк – один из видов пищали.

Тягло – подати, натуральные налоги или повинности крестьян и посадских людей в XV – XVIII вв. Основная окладная единица тяглого населения называлась сохой. Среди тягловых повинностей наиболее тяжелыми были: стрелецкий хлеб (на содержание стрельцов) и ямские. Нередко тягловые повинности переводились в денежный побор.

Тяглые крестьяне – обязаны были платить государственные налоги и выполнять государственные повинности. В разряд тяглых крестьян входили частновладельческие и черносошные крестьяне, с XVII в. и холопы.

Уборок – сосуд (емкость) определенной меры для пшена или другого зерна.

Удел – земельное владение, выдел.

Удила – часть конской сбруи, с помощью которой управляют лошастью.

Уезд – административно-территориальная единица, возникшая в процессе образования единого Русского государства (XV–XVI вв.).

Уличи – одна из племенных групп восточных славян, обитавших в районе Нижнего Поднепровья, а также на берегах Черного моря. В середине X в. улочи вошли (были включены) в состав Древнерусского государства.

Умыкание – форма заключения брака путем похищения невесты. Умыкания были настоящие, то есть насильственные, и фиктивные, совершаемые после предварительного договора между семьями жениха и невесты.

Усадьба – комплекс жилых, хозяйственных, парковых (садовых) и других построек, составляющих единое архитектурное целое.

Ферезь (ферязь) – длинный кафтан с пуговицами, идущими от горловины до подола.

Халат (от араб, хилат – почетная одежда) – длинная, широкая одежда с длинными рукавами, с поясом и без него. На халат использовали разнообразные ткани различных расцветок. Многие народы Средней и Центральной Азии но-

силы стеганные на вате халаты. У европейских народов, в том числе и у русских, халатом называли разное домашнее платье.

Хата – у жителей русских южных областей, украинцев и белорусов так называется жилое помещение с печью, иногда и вся постройка с сенями и хозяйственными помещениями. Хата могла быть срубная, плетневая, глинобитная и пр.

Хоры – архитектурное наименование верхней галереи, проходящей на уровне второго этажа в христианских церквях. На хорах находились представители знати, позднее там обычно размещались певчие.

Хохлатка – простонародное название курицы.

Храм – культовое сооружение, предназначенное для совершения богослужения и религиозных обрядов. Нередко храм (церковь) возводили как памятник в честь того или иного события. Так, храм Покрова, что на рву (храм Василия Блаженного) на Красной площади, построен по указу царя Ивана IV Грозного в честь присоединения Казани.

Хутор – сельское поселение, состоящее из одного двора. Чаще всего хутора возникали в ходе освоения новых земель.

Чарка (рюмка) – а) сосуд для питья крепких напитков, форма разнообразна, но, как правило, имела небольшую емкость. Нередко чарки богато украшались чеканкой, чернением и эмальями. В XV – XVII вв. чарки, выполненные из серебра или золота, служили наградными предметами; б) русская мера объема жидкостей, применявшаяся в России до введения метрической системы мер, по другому ее называли соткой.

Часовня – небольшая культовая постройка у христиан, не имеющая специального помещения для алтаря. Чаще всего их строили на дорогах, кладбищах, они сооружались также и в городах и деревнях.

Чеботарь – сапожник.

Челнок (челн) – небольшая узкая речная лодка с острым носом и тупой кормой. Челны часто выполняли из цельного ствола дерева путем выдалбливания или выжигания.

Чело – а) лоб человека; «бить челом», то есть кланяться до земли; б) передняя часть русской печи.

Челобитная (челобитие) – просьба, жалоба, донос («извет») в делопроизводстве XV – начале XVIII в. Свое наименование получила от выражения «бить челом», то есть просить, кланяться.

Челобитный столп – каменный или деревянный столп, на который клали челобитные. Такие столпы устанавливались перед теремом князя, царя, и по народному поверью считалось, что если положить документ на столп в момент, когда в окне виднеется лицо, к которому обращена челобитная, то она точно попадет по назначению.

Челядь – название зависимого населения Киевской Руси (раб, зависимый человек). До IX в. рабов-пленников очень редко продавали, но к XI в. они стали объектом купли-продажи. В XI в. слово «челядин» относилось к части зависимого населения Руси, занятого в феодальном хозяйстве. Челядью часто называли слуг.

Челядня (людская) – помещение для слуг.

Чепрак – суконная или ковровая подстилка под седло.

Червонная Русь – историческое название Галиции (Галичины).

Червонное золото – высокопробный сплав золота с медью. Его проба соответствует от 88 до 94 2/3 золота.

Черевики – древнерусское название кожаной обуви.

Черевички – праздничные женские башмачки разнообразных фасонов.

Черная Русь – название территории, расположенной в бассейне верхнего течения р. Неман, с городами Гродно, Новградом, Слонимом, Несвижем и др. До XIII в. Черная Русь входила в состав Полоцкого княжества. С XVI в. она с рядом других областей стала ядром Великого княжества Литовского.

Чертог (чертоги) – а) балдахин; б) палатка; в) простонародное название богатых покоев барского или княжеского дворца (терема).

Черный бор – а) налог с «черных» (черносошных) крестьян и городского населения с XII по XVII вв. «Черные люди» платили государственные налоги (бор) в отличие от беломестцев, которые государственных налогов на платили и не несли других повинностей; б) налог, который время от времени требовали владимирские князья с Новгорода, однако последний выплачивал его лишь под угрозой военной силы; в) черным бором называли нерегулярно собираемую дань.

Чеснок – а) луковичное растение. Отличается целебными свойствами; б) металлическое орудие, имеющее четыре длинных и острых шипа, расположенных таким образом, что как его ни брось, один из шипов будет торчать вверх. Такой «чеснок» на Руси широко применяли против вражеской конницы.

Четверик – русская мера объема сыпучих тел. В Новгороде известна с XV в. В XVII в. четверть равнялась 2 осьминам, а те в свою очередь – 8 четверикам. Сама четверть равнялась 1/4 ведра, то есть примерно 3 литрам.

Четверть – а) мера площади, известная с XV в., которая равнялась 0,5 десятины; б) мера объема сыпучих тел, главным образом зерна, круп, муки. В XIV – XV вв. она была равна 1/4 кади. Официальная четверть в XVI в. равнялась 4 пудам ржи (64 кг); в) мера длины в XVI в., равная 1/4 сажени.

Чертова дюжина – выражение, идущее от старинного суеверия – боязни числа 13.

Число (тат.) – перепись населения и дворов в русских княжествах с целью обложения их данью. На Руси такая перепись производилась дважды: при Александре Ярославиче Невском во время правления в Золотой Орде хана Батые, вторая – при Василии Костромском во время правления хана Берке.

Чолка – бунчук, знак власти. Имел вид конского хвоста, укрепленного на древке.

Чуга – летняя верхняя одежда, узкая в талии, с короткими до локтя рукавами, из-под которых высывались рукава нижней одежды.

Чулан – подсобное помещение, кладовая, обычно не имеющая окон.

Чум – а) древнерусское название ковша; б) русское название переносного жилища северных народов.

Шатер – а) походная палатка; б) архитектурный термин, обозначающий завершение колоколен, храмов, башен, крылец и других построек или их частей в виде высокой четырехгранной или многогранной пирамиды.

Шишко – одна из разновидностей домашнего (домашнего черта), ему приписывают мелкие козни, например, бить лошадей, душить (не до смерти) во время сна и т.п.

Шлем (шолом, шелом, шишак) – одна из частей доспехов, защищающая голову воина, известен с древнейших времен. Изготавливался из дерева, бересты, плелся из прутьев, кожи и металла. Русский шлем X – XVII вв. имел вид сфероконического шишака с кольчужной сеткой – бармицей, закрывающей шею и плечи. Древнерусские домонгольские шлемы имели наносники, маски, закрывающие все лицо.

Штоф – а) старинная единица измерения объема жидкостей, равная 1,2299 л; б) сосуд для крепких спиртных напитков. Чаще всего штоф изготавливался из стекла и имел кубовидную форму; в) декоративная ткань, использовавшаяся главным образом для обивки стен и мебели.

Щи – один из самых распространенных на Руси видов горячей жидкой пищи. Основные компоненты их – мясо и капуста. Щи без мяса называют постными.

Юродивый (блаженный) – религиозный фанатик, принявший на себя из «любви к богу и ближним» один из «подвигов» христианского благочестия – юродство о Христе. Юродивые часто притворялись умалишенными, отказывались от удобств и благ земной жизни, истязали себя, носили вериги, отказывались от самого близкого родства. Немало юродивых было канонизировано церковью. Иногда популярность юродивых была столь велика, что их именами называли храмы и эти названия вытесняли подлинные. Например, храм Покрова что на рву, находящийся на Красной площади в Москве, часто именовали храмом Василия Блаженного – одного из юродивых, обитавших на его паперти в XVI в.

Юрьев день – 26 ноября; до 90-х годов XVI в. за неделю до Юрьева дня и в течение недели после него разрешался переход крестьян от одного феодала к другому.

Ям (тюрк.) – почтовая станция в XIII – XVII вв. На ней происходила смена лошадей. В XVI в. в связи с возросшим значением почты был введен ямской приказ, возглавляемый обычно боярином.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреевский, Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930 – 1940-е годы / Г.В. Андреевский. – М. : Молодая гвардия; Палимпсест, 2003. – 463 с. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
2. Безгин, В.Б. Крестьянская повседневность. (Традиции конца XIX – начала XX века) / В.Б. Безгин. – М., Тамбов, 2004. – 304 с.
3. Безгин, В.Б. Традиции сельской повседневности конца XIX – начала XX веков (на материалах губерний Центрального Черноземья) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В.Б. Безгин. – М. : МПГУ, 2006.
4. Борисов, Н.С. Жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от сотворения мира / Н.С. Борисов. – М. : Молодая гвардия, 2004. – 530 с. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
5. Виолле-ле-Дюк, Э.Э. Жизнь и развлечения в средние века / Э.Э. Виолле-ле-Дюк. – СПб., 2003. – 384 с.
6. Григорьева, Т.С. Частная жизнь и быт древних обществ : учеб. пособие / Т.С. Григорьева. – М. : Высшая школа, 2005. – 335 с.
7. Гис, Ф. Дж. Брак и семья в средние века / Ф. Дж. Гис. – М. : РОСПЭН, 2002. – 381 с.
8. Гришунин, П.В. Студенчество столичных университетов: структура повседневной жизни. 1820-е – 1880-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / П.В. Гришунин. – СПб. : Университет, 2005.
9. Даркевич, В.П. Светская праздничная жизнь Средневековья IX – XVI вв. – Изд. 2-е, доп. – М.: Индрик, 2006. – 432 с.
10. Журавлев, С.В. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928 – 1938 гг. / С.В. Журавлев. – М. : РОСПЭН, 2004. – 238 с.
11. Забелин, И.Е. Домашняя жизнь русских царей / И.Е. Забелин. – М. : ЭКСМО, 2005. – 448 с., ил.
12. Засосов, Д.А. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже веков XIX – XX веков / Д.А. Засосов. – М. : Молодая гвардия; Палимпсест, 2003. – 469 с. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества)
13. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953 гг. / Е.Ю. Зубкова. – М. : РОСПЭН, 2000. – 229 с.
14. Каменский, А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века / А.Б. Каменский. – М., 2006. – 403 с.
15. Кожевников, С.Б. Аксиология повседневности / С.Б. Кожевников. – Краснодар : Университет, 2003. – 246 с.
16. Козлова, Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора / Н.Н. Козлова. – М. : Институт философии РАН, 1996. – 215 с.
17. Кометчиков, И.В. Крестьянство и власть в 1945 – 1953 гг.: общественно-политическая жизнь и повседневность (по материалам обл. Центр. Нечерноземья РСФСР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.В. Кометчиков. – Брянск : Пед. ун-т, 2005.
18. Короткова, М.В. Культура повседневности: История костюма / М.В. Короткова. – М. : ВЛАДОС, 2002. – 300 с.:
19. Курьянович, А.В. История повседневности: особенности подхода, цели и методы / А.В. Курьянович // История в XXI веке: историко-антропологический подходов преподаванию и изучению истории человечества : материалы междунар. интернет-конф. ... – М., 2001. – С. 35 – 44.
20. Лаврентьева, Е. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет / Е. Лаврентьева. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 663 с.
21. Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920 – 1930 гг. / Н.Б. Лебина // Нева, Летний сад. – СПб., 1999. – 316 с.
22. Лебина, Н. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: контуры, символы, знаки / Н. Лебина. – СПб. : Дм. Буланин, 2006. – 444 с.
23. Лелеко, В.Д. Эстетика повседневности / В.Д. Лелеко. – СПб., 1994.
24. Людке, А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людке // Социальная история : ежегодник. – 1998/99. – М., 1999. – С. 77 – 100
25. Малышев, В.А. Цепочки качественной сложности: философия, наука, мистика в повседневной жизни / В.А. Малышев. – М., 1997. – 430 с.·
26. Малышева, С. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917 – 1927) / С. Малышева. – Казань : Рутен, 2005.
27. Марченко, Н. Быт и нравы пушкинского времени / Н. Марченко. – СПб. : Азбука – классика, 2005. – 432 с.: ил.
28. Мифология и повседневность. – Вып. 1–2. – СПб., 1998.
29. Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. – СПб. : Алатейя, 2001. – 466 с.
30. Москва. Быт. XIV – XIX века. – М. : Крафт + , 2005. – 336 с. : илл.
31. Новикова, Н.Л. Культура повседневности: теоретический аспект : учебник / Н.Л. Новикова. – Саранск : Красный Октябрь, 2004. – 164 с.
32. Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920 – 1930-е годы. – СПб., 2000. – 478 с.
33. Писаренко, К.А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны / К.А. Писаренко. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 873 с. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

34. Повседневность как текст культуры : материалы междунар. науч. конф. «Повседневность как текст культуры». – Киров, 27 – 29 апр. 2005 г. – Киров, 2005. – 376 с.
35. Повседневность российской провинции: история, язык и пространство: материалы третьей Всероссийской школы... – Казань, 2002. – 328 с.
36. Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения. – Ставрополь, 2001. – 253 с.
37. Пушкарева, Н.Л. «История повседневности» и «История частной жизни»: содержание и соотношение понятий / Н.Л. Пушкарева // Социальная история : ежегодник. – 2004. – М., 2005. – С. 93 – 112.
38. Романенко, Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря / Е.В. Романенко. – М. : Молодая гвардия; Палимпсест, 2002. – 327 с. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
39. Руга, В. Москва повседневная: очерки городской жизни начала XX века / В. Руга, А. Кокорев. – М., 2005. – 512 с. – То же : 2006.
40. Рязанов, Д.С. Повседневные настроения городских «обывателей» России в 1917 – 1920 гг. (по материалам Центр. России) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д.С. Рязанов. – Тамбов, 2006.
41. Савченко, Л.А. Социология повседневности. – Ростов н/Д, 2000. – 159 с.
42. Советская повседневность и массовое сознание. 1939 – 1945 гг. : сб. документов. – М. : РОСПЭН, 2003. – 470 с.
43. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. – М. : РОСПЭН, 2001. – 332 с. – (Советская история в зарубежной историографии).
44. Ценности повседневной деятельности горожан / РАН. Ин-т социологии ; отв. ред. Т.М. Караханова. – М., 2004. – 136 с.
45. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. – М., 1996. – 372 с.
46. Шпак, Л.Л. Социология повседневной жизни : учеб. пособие / Л.Л. Шпак. – Кемерово, 2001. – 376 с.
47. Шюц, А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии / А. Шюц. – М., 2003. – 334 с.
48. Щавелев, С.П. «Синяя птица» повседневности: (этюды антропологии обыденного сознания) / С.П. Щавелев. – Курск, 2002. – 123 с.
49. Щербинин, П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины XVIII начале XX вв. / П.П. Щербинин. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2004. – 508 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ИСТОЧНИКИ, ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	4
2. КРЕСТЬЯНСКИЙ ТРУД	9
3. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА	14
4. ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРОТЕСТА	20
5. СЕМЕЙНЫЕ БУДНИ	28
6. НЕПИСАННОЕ ПРАВО	34
7. ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ	40
8. СЕЛЬСКИЕ СУЕВЕРИЯ И ОБРЯДЫ	46
9. ПИЦА, ЖИЛИЩЕ, ОДЕЖДА	53
10. ДЕРЕВЕНСКИЕ ПОРОКИ	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
ГЛОССАРИЙ	68
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	85